

Лилия Задорнова

V L A D I

Владимир Скулачев

Лилия Задорнова
VLADI. Владимир Скулачев

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Задорнова Л. А.

VLADI. Владимир Скулачев / Л. А. Задорнова — «Издательство
«Перо», 2020

ISBN 978-5-00171-266-4

Л.А. Задорнова, профессиональный юрист и автор повестей «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...» (2016 год), «Цивилисты» (2018 год), предлагает биографическую повесть об известном биохимике, профессоре, академике Владимире Петровиче Скулачеве, которая может быть интересна широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00171-266-4

© Задорнова Л. А., 2020
© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

От автора	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	18
Часть 2	30
1	30
2	33
3	36
4	37
5	40
6	42
7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лилия Задорнова VLADI. Владимир Скулачев

От автора

Я села в небольшой по размеру самолет, следовавший рейсом «Москва – Вильнюс», чтобы не более чем через два часа оказаться в столице Литвы. Оттуда сразу с железнодорожного вокзала на электричке часа два до города моего детства – Каунаса, где жили мои родственники по материнской линии, навестить которых, а заодно подышать воздухом детства и юности, я и отправилась. После выхода Литвы из состава союзного государства прямые авиарейсы из Москвы до Каунаса были отменены, поэтому маршрут мой был именно таким.

Пилот запустил двигатели, набрал необходимую скорость. Подъемная сила крыльев преодолела вес самолета, и он оторвался от земли. Лайнер набрал нужную высоту и направился заданным курсом. Непродолжительное время полета – и вот уже видна земля. Самолет начал снижаться, скорость судна постепенно уменьшилась, колеса коснулись земли, и он, пробежав по ней некоторое расстояние, остановился.

Меня никто не встречал, да и необходимости в этом никакой не было: я с рождения все здесь хорошо знала и отлично помнила. Через каких-нибудь три часа я уже была в объятиях родни. Подарки, душевные беседы, воспоминания о прошлом, планы на будущее – время незаметно приближалось ко дню моего отъезда.

– Слушай, Лиля, – в один из дней вдруг сказала мне тетка, – в моем доме двумя этажами выше живет женщина, которая занимается небольшим бизнесом. После распада Союза она стала предпринимателем, а до этого на центральной улице города имела свой кабинет, где зарабатывала предсказаниями будущего, гаданием. Видимо, неплохо заработала, сейчас им не занимается, хотя и хорошо известна в определенных кругах. У нас с ней добрые соседские отношения. Если хочешь, я поговорю с ней, она мне не откажет, погадает тебе: узнаешь, что тебя ждет.

Несмотря на уже довольно зрелый возраст и немалый жизненный опыт, я довольно легко приняла это предложение: почему бы и нет? Мною владело простое человеческое любопытство – послушать о своем будущем. Через пару дней к нам пришла европейской наружности и достаточно интеллигентного вида женщина, по возрасту где-то моя сверстница. Отпив из предложенной ей чашечки кофе несколько глотков и не притронувшись к приготовленным по случаю ее появления лакомствам, она разложила на освобожденном ото всего журнальном столике принесенные ею карты «таро» и начала свое предсказание моей судьбы. Рассказав о том, что в моей жизни было, а это мне и самой было хорошо известно, кратко охарактеризовав близких мне людей, она приступила к перечислению того, что ждало меня в будущем.

– Не сейчас, а попозже, вы выйдете замуж за человека, который будет старше вас.

– Когда же позже?! – не удержалась я. – Мне уже пятьдесят, скоро белые тапочки готовить, а вы мне про замужество, да еще и в каком-то отдаленном будущем?

– Говорю, что вижу, – невозмутимо, по виду не оскорбившись, ответила женщина. – А вы ведь со своим будущим супругом знакомы... – продолжала она, внимательно рассматривая карты. – Он будет вашим начальником: я вижу удостоверение, что указывает на то, что мужчина этот занимает руководящий пост.

Я в то время и сама являлась заместителем руководителя организации, в которой давно работала, но о смене рода деятельности и не мыслила, поэтому с ужасом представила себе возможный брачный союз со своим начальником, который вызывал у меня скорее отрицательные чувства, чем положительные эмоции. Вышестоящие руководители тоже не вызывали у меня

матримониального интереса. Ерунда! Читая в моих глазах насмешку и явное недоверие, она упорно продолжала настаивать на своем.

– Подумайте хорошенько, ведь вы с ним знакомы, – настаивала она, по-прежнему не выражая никаких эмоций. – Вы будете не просто работать под его началом, но и выйдете за него замуж, но не сейчас, попозже.

– Не собираюсь я менять работу и замуж выходить тоже не собираюсь: у меня двое взрослых сыновей, рожать я больше не буду, поэтому регистрировать брак ни с кем не намерена, – излагала я вслух свою позицию.

– Ну не знаю, карты показывают, что вы выйдете замуж за своего начальника, но не завтра, а несколько позже, – заключила она.

Ладно, погадала и будет. Я отнеслась к предсказаниям ее легко, вскоре о них просто забыв. Время неумолимо шло. Через несколько лет я ушла в отставку с должности, на которой прослужила с большим удовольствием почти четверть века, и задумалась, чем бы теперь заняться? Узнав об этом, мой добрый знакомый пригласил меня поработать преподавателем на руководимом им факультете – одном из факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, – став, собственно, главным моим руководителем. Это был Владимир Петрович Скулачев.

А еще через несколько лет он предложил мне свои руку и сердце, чтобы вместе прожить время, которое каждому из нас еще было отпущено. Так я, не желая докладывать об этом государству, стала третьей его женой, после его первого неудавшегося брака, от которого у него была любимая дочь Татьяна; после ухода из жизни второй, любимой им жены Инны, с которой у них родились трое обожаемых им сыновей, Максим, Константин и Иннокентий, а также имелся приемный Федор – сын Инны от ее первого брака, которого он растил, как собственного. У меня же за плечами был опыт почти двадцатилетнего замужества и двое любимых мной уже взрослых сыновей.

И тогда я вспомнила о том уже довольно давнем предсказании с виду совсем не гадалки из города моего детства и юности и некоторое время пребывала в шоке от осознания того, что предсказание ее, и не только это, сбылось. Да, оказывается, такое случается! Как говорится, хотите – верьте, хотите – нет.

С тех пор мы с Володией живем в его просторной профессорской квартире в Москве, а также в Подмосковье на его даче, которую он построил на деньги от издания своего первого учебника на английском. Володя является прекрасным рассказчиком и без устали повествует мне о своей жизни, своих родных и предках, о происходивших с ним случаях, в том числе курьезных, о самой большой любви своей жизни – науке. И со временем я невольно пришла к мысли о том, что хочу рассказать другим о том, что из этих рассказов стало известно мне. Писать о человеке известном, которым и о котором уже и так немало написано, дело, понятно, совершенно неблагодарное, но я все же попробую. Безусловно, память каждого, кто пересекался с ним в этой жизни, хранит свои очень личные и только ему известные страницы, но я надеюсь, что в этой книге читателю откроются страницы жизни Владимира Петровича Скулачева не менее интересные, чем те, которые известны широкой публике.

Все описанное в настоящей книге основано на рассказах самого В.П. Скулачева, а также на представленных им документах и материалах.

Л.А.Задорнова

Часть 1

Предки

Память согревает человека изнутри и в то же время рвет его на части.

Х. Мураками

Глава 1

Арон и Розалия Левитан

Арон Маркович Левитан – дед Владимира Петровича Скулачева по материнской линии – родился в 1879 году в еврейской семье в городе Вязьма Смоленской губернии, откуда семья его переехала в город Николаев, на юг Украины. Отец его был ремесленником. В Николаеве Арон окончил уездное училище, экстерном сдал экзамены за шесть классов гимназии и в 1897 году получил звание домашнего учителя. Фактически он начал заниматься учительством по окончании уездной школы в родном Николаеве: уже в 13 лет он стал давать частные уроки детям по общеобразовательным предметам. После 1897 года работал учителем в начальных школах, в начальных еврейских казенных училищах, на вечерних, субботних и воскресных курсах в Николаеве, Вознесенске и Одессе.

В то время над миром витал революционный дух, порождая и множа объединения революционеров – партии различного толка. И юный Арон заразился вирусом революционных идей, направленных на разрушение существовавшего строя. До 1905-го года в Российской империи действовали только подпольные революционные партии. В начале 1890-х был создан Всеобщий еврейский рабочий союз, просуществовавший до 1921-го года («Бунд»). Действовал он, в основном, в западных губерниях России, в Польше и Литве. Взгляды бундовцев были близки к программе РСДРП, нелегально существовавшей с 1898 года. Непродолжительное время «Бунд» входил в состав РСДРП как автономная организация и в начале своей деятельности склонялся к большевизму. Арон стал членом РСДРП и как член партии по ее заданию начал заниматься агитацией и пропагандой социалистических идей в среде учителей, рабочих и крестьян в Николаеве, Херсоне, Одессе, Мелитополе, Вознесенске.

Шел 1906-й год. В то время двадцатисемилетний Арон, получив первое самостоятельное партийное задание, агитировал казаков восстать против царя. Было это в Николаеве. Как-то он перелез через забор казармы и, от сильного волнения перейдя с русского на родной идиш, начал убеждать присутствовавших в преступности царского строя. Казаки, которых просвещал оратор, ничего не поняли, взяли низкорослого, рыжего и тщедушного Арона за шиворот и на всякий случай отвели к жившему рядом с казармой раввину, чтобы тот перевел им сказанное и разъяснил суть выступления юного златоуста. Раввин сказанное перевел дословно. Арона тут же арестовали как подстрекателя и стали водить на допросы в полицейский участок, чтобы получить у него сведения о «старших товарищах» по партии. А сами товарищи не дремали, Арона в беде не оставили, передав ему записку, в которой просили сообщить о времени следующего допроса. Когда Арона привезли на следующий допрос, бундовцы подошли под окна полицейского участка пролетку, разбили окно и увезли незадачливого агитатора, прыгнувшего в пролетку со второго этажа участка, на подпольную квартиру. На этой квартире Арона на следующее же утро вновь арестовали, чтобы судить теперь уже не только за незаконную агитацию против существовавшего строя и пропаганду запрещенных идей, но и за сопротивление властям, а также за нанесение ущерба полицейскому участку в виде разбитого окна. В октябре

1907-го года он был осужден. Приговором суда Арону была определена сибирская каторга, куда ему и следовало отправиться в ближайшее время.

Однако в ссылку он отправился не один, а с молодой женой Розалией (Рейзл Зусь-Овсеевой). Избранница его была невысокого роста, стройной, с длинными русыми волосами, выразительными серыми глазами и аккуратным прямым носиком на красивом белокожем лице. Ничего в ее облике даже не намекало на ее национальную принадлежность.

Узнав, что Арон находится в тюрьме за агитацию и побег из полицейского участка и, понимая, что именно ждет ее возлюбленного, Роза поставила перед любимым вопрос об оформлении между ними брака. Наивная Роза полагала, что суд не посмеет разлучить новобрачных и не назначит Арону наказание, связанное с лишением свободы.

– Роза, пойми, меня, скорее всего, отправят на каторгу, это не лучшее место для тебя, – пытался на свидании отрезвить подругу любящий ее Арон, который в связи со своим арестом уже распрощался с мыслью о женитьбе на Розе.

– Нет, – она была категорична. – Я все равно поеду за тобой, куда бы тебя ни отправили. Тогда лучше уж ехать твоей женой, если ты, конечно, хочешь, чтобы я ею стала, – по-женски лукавя, она как бы оставляла последнее слово за ним.

– Ну о чем ты?! Я люблю тебя и мечтаю прожить всю свою жизнь только с одной женщиной – с тобой! – искренне и эмоционально отвечал Арон.

Бракосочетание их состоялось в тюрьме, венчал их раввин, ранее переводивший речь Арона. Для семьи невесты поступок Розы вряд ли был таким уж неожиданным, поскольку она всегда отличалась самостоятельными взглядами, которые далеко не всегда соответствовали общепринятым. Так в десятом классе школы она шокировала все школьное сообщество своим сочинением по «Евгению Онегину». В нем она высказала свое мнение о том, что Татьяна совершила великую глупость, не отдавшись встреченному ею после разлуки любимому Онегину. Оно явно шло вразрез с понятиями о девичьих целомудрии и скромности. Отец Розы Зусь-Овсей Шабадаш – суровый патриарх большой еврейской семьи – вначале воспринял заявление дочери о том, что она отправляется вслед за мужем, как фигуру речи, но потом, когда понял, что Роза действительно собирает вещи для поездки в Сибирь, проклял ее и отлучил от семьи.

В 1907-м году Арон вместе с молодой женой отправился в Рыбинскую волость Енисейской губернии, которая была определена ему судом в качестве места для отбывания наказания.

На каторге Роза при помощи примитивного отвара овсянки, по сути, спасла своего мужа от смерти от тяжелейшей язвы желудка, хотя, как сама говаривала, что «фельдшерских курсов не заканчивала». Роза не заканчивала и никаких других курсов, не имела никакой другой специальности, кроме специальности любящей и бесконечно преданной своему мужу жены.

Каторгу Арон отбывал не долго. Летом 1908-го года группа социал-демократов, а вместе с ними и Арон с Розой, с места ссылки совершили побег. Побег был организован оставшимися на воле большевиками и оплачен старшим братом Арона Моисеем Марковичем Левитаном, владевшим на Украине небольшим заводиком под названием «Фабрика шипучих и обычных вин». Страшна дальнейшая судьба Моисея. В годы революции он потерял свой заводик и оставшиеся капиталы, жил на Украине в небольшой деревеньке вместе женой-врачом, лечившей всю округу. В 1941-м году, когда немцы захватили Украину, местные антисемиты устроили еврейский погром; гнались и за Моисеем, который вместе с семьей пытался укрыться в православной церкви. Они настигли Моисея на колокольне, когда бежать уже было некуда, и забили его, а вместе с ним его жену и сына, камнями насмерть...

После побега с каторги Арон с Розой эмигрировали: понятно, что проживание на территории Российской империи с большой вероятностью могло закончиться новым арестом и более суровым наказанием. Осели они в Бельгии, где Арон Маркович стал секретарем ячейки РСДРП, состоявшей из таких же, как и сам он, беглецов от царского режима. Он давал частные

уроки, сотрудничал с выходившими на русском языке газетами бельгийского Льежа и французской Тулузы. А в 1910-м году у них родилась первая и единственная дочь.

– Давай назовем ее Надеждой, надеждой на свершение революции, надеждой на светлое будущее, в котором ей предстоит жить! – предложил жене горевший революционным сознанием Арон.

– Давай, – поддержала всегда следовавшая за мужем и разделявшая его взгляды Роза.

Так и назвали малышку. Хотя могло, конечно, повлиять на выбор имени и еще одно обстоятельство. В тот период Левитаны довольно близко общались с Владимиром Лениным и женой его Надеждой. Не исключено, что имя для своей дочери они могли позаимствовать и у Крупской.

Спустя десятилетия уже постаревший Арон Маркович рассказывал своему внуку Владу, что, когда он жил в шахтерском городке Льеже, его однажды посетил Ленин, чтобы вовремя заплатить партийные взносы, который он, Арон, собирал. Как-то, когда Ленин и Крупская были стеснены в деньгах и поэтому снять комнату в гостинице не могли, Левитаны приютили соратников по партии у себя.

– Мы с твоим дедом в Льеже своего жилья, понятно, не имели, – рассказывала внуку о том времени Розалия Захаровна, – снимали комнату у одного из бельгийских рабочих. В комнате у нас была всего одна койка.

– Как же вы все разместились? – искренне удивился Владик.

– Так и разместились, – продолжала она. – Кто-то должен был спать на единственной койке, а кто-то на полу. Арон и Ленин долго спорили о том, кто и где будет спать. Каждый настаивал, что на полу с женой будет спать именно он.

– И кого же, в конце концов, ты уложила на пол? – живо поинтересовался у бабушки Владик.

– Ну конечно же, нас с твоим дедом, – засмеялась она.

Был еще случай. Их с Ароном дочурке было около годика. Как-то перед сном Роза готовилась искупать Наденьку.

– Роза, пожалуйста, разрешите Ильичу искупать младенца, – попросила удивленную просьбой Розу находившаяся в гостях у Левитанов Крупская, – он страсть как любит купать маленьких детей. – Ленин и Крупская, как известно, собственных детей не имели. Видимо, поэтому с трепетом относились к чужим.

Однако Арон Левитан не только давал частные уроки и сотрудничал с русскоязычными газетами, что позволяло ему зарабатывать деньги и содержать семью, состоявшую уже из трех человек. В 1909-м он поступил в Льежский университет, где получил ученое звание кандидата математических наук. Затем в 1910-1911-м годах он обучался там же, в Льеже, в архитектурной школе. Из Бельгии молодая семья переехала на юг Франции, под Тулузу, где в 1912-1914-м годах Арон продолжил обучение, но уже в Тулузском политехническом институте. Получив диплом инженера-механика и электрика, он устроился помощником инженера на железной дороге, которую в тот момент электрифицировали, затем работал монтером одной из компаний юга Франции, а с середины шестнадцатого года – инженером «Всеобщей компании электричества» в Бордо.

Розалия и Арон Левитан. Фото из семейного архива

– ...Электричество! Пожалуй, главное, что мне удалось сделать в жизни, так это найти электричество в митохондриях и доказать, что эти мельчайшие внутриклеточные тельца работают как тепловые электростанции. «Причудливо тасуется колода!» – через каких-нибудь сто лет вспомнит слова булгаковского Воланда Владимир Скулачев, сопоставив этот период жизни своего деда с научным итогом своей.

В октябре 1917-го года в России свершилась революция, свергнувшая строй, с которым боролась партия. Ее членом являлся и Арон Левитан, который с семьей незамедлительно возвратился в Россию. Молодая советская республика остро нуждалась в квалифицированных и, самое главное, идейно проверенных и преданных делу революции профессиональных кадрах. После вынужденного отъезда большей части российской интеллигенции, среди которой были так необходимые государству специалисты, посадок в тюрьмы и расстрела других, не успевших или не пожелавших уехать за границу, потребность в специалистах в разных областях знаний была острейшей. И Арон, будучи хорошим специалистом и добросовестным работником, был буквально нарасхват.

Сначала он работал в Харькове на различных административных должностях: был заведующим отдела статистики при Совете народного хозяйства Криворожско-Донбасской Республики, инженером «Технической конторы Шабадажа», заведовал мельничным подотделом «хлебно-фуражного отдела» Нар комп рода, являлся членом правления и производителем технических работ кооператива «Технострой». С двадцатого года работал сначала инженером, а затем директором Государственного завода художественной индустрии (свободные художественные мастерские); в начале двадцать первого он – в структуре Губсовнархоза и на курсах инструкторов «Трудовой армии». С мая 1921 года по август 1922 года являлся директором Харьковского художественного техникума (ХХТ), а также преподавателем математики, сопротивления материалов и графостатики на архитектурном отделении того же техникума, ставшего впоследствии институтом. По совместительству работал консультантом в Губтекстиле и заведовал текстильной фабрикой. На самом деле основной мечтой Арона Марковича было соединение творчества с инженерной мыслью, что он и пытался воплотить в жизнь во время руководства Харьковским техникумом.

В 1924-м году начался новый период в жизни Левитанов. В декабре Арон, как специалист в области электротехники, по поручению советского правительства был переведен на работу в Наркомторг для организации закупок оборудования по плану ГОЭЛРО, поэтому с семьей переехал в Москву, откуда был командирован в Швецию.

В тот период страна находилась в глубоком экономическом кризисе. Большинство предприятий не работало, а электричество подавалось только на особо важные объекты. Необходимо было предпринять срочные меры по восстановлению и индустриализации народного хозяйства, без чего новая власть могла бы просто не удержаться. Лучшие специалисты и умы, существовавшие в то время в стране, были привлечены для поиска выхода из сложившейся ситуации. И в декабре 1921-го года был принят закон об электрификации России, в основу которого был положен рассчитанный на 10–15 лет план ГОЭЛРО, в разработке которого принимали участие более двухсот крупнейших специалистов, не считая других, специалистов более низкого уровня. План этот предусматривал не просто развитие энергетики, но и восстановление всей экономики страны. Арон Маркович Левитан считался в стране специалистом, наиболее осведомленным в электротехнике, и он был направлен в Германию для закупок оборудования, которое было так необходимо для реализации плана ГОЭЛРО, поэтому был отозван из Торгпредства СССР в Стокгольме, где заведовал экономической частью представительства.

А в феврале 1927-го года Арон Левитан был командирован на работу в Торгпредство СССР в Берлине, где на протяжении семи лет являлся сначала старшим инженером отдела силовых установок и электротехники, затем – заведующим отделом моторов и электрооборудо-

вания; позже заведовал группой технической информации планово-экономического сектора, занимал и другие должности.

Движение Гитлера к власти в Германии сделало опасной жизнь А.М. Левитана в Берлине – столице нацистского государства, начавшего с уничтожения лиц еврейской национальности. В 1931 году он был отозван в Москву, где довольно быстро обнаружил, что друзья его, в большинстве своем, были либо не у дел, либо под следствием, либо уже умерли... Революционеры с мечтами о том коммунизме, служению которому он посвятил свою жизнь, стали чуть ли не более опасными для власти, чем при царском режиме. Их постепенно сменяли другие люди. В августе тридцать четвертого А.М. Левитан уволился в связи с уходом на пенсию.

Роза переживала за мужа, видя, как близко к сердцу принимает он все происходящее вокруг, как расстраивается по всякому поводу. Как-то Арон, никогда не являвшийся нытиком, пожаловался жене на сильную боль в груди. Роза усмотрела признаки сердечного приступа. Она немедленно уложила его; быстро, обеспечивая приток воздуха и избегая наступления приступа удушья, расстегнула на муже рубашку и вызвала скорую.

– Голубушка, вот что я могу вам сказать, – сообщил Розе врач после осмотра больного, – больше месяца муж ваш не протянет: у него инфаркт.

Но Роза слишком сильно любила супруга. Она уже однажды вырвала его из лап смерти в ссылке, и теперь просто так она его не отдаст! Железная воля жены вернула Арона Марковича к жизни. Роза выходила мужа, который прожил вместо обещанного врачом месяца еще целых пятнадцать лет. Она поставила близкому ей человеку безошибочный диагноз: он погибал потому, что у него на глазах погибало дело всей его жизни.

Арон Левитан был человеком сильным, но, как большинство сильных людей, он имел и свои маленькие слабости. Одной из них была безграничная любовь к жене, просьбы и требования которой он всегда выполнял.

– Аря, ты немедленно выходишь на пенсию, – железным тоном сказала Роза мужу, увидев, что тот пошел на поправку. – Чтобы ноги твоей на работе больше не было!

Так Арон Маркович Левитан стал пенсионером. Еще раньше он «выпал» из партии. В те годы одна за другой следовали «чистки» партийных рядов: сначала всех из партии исключали, а потом решали, кого в ряды «верных ленинцев» можно принять вновь. Таким вот образом его вместе со всеми другими партийцами исключили, а с заявлением с просьбой принять его обратно Арон Маркович обращаться не стал.

А судьба все испытывала и испытывала семью на прочность. Известные репрессии 1937-го года, начало которым положило издание приказа НКВД № 00447, чуть-чуть не коснулись и семьи Левитанов. На основании объявленной приказом чистки арестовывали как крестьян, священников, бывших дворян, военачальников и военнослужащих, так и других лиц, заподозренных в связях с оппозиционными политическими партиями. Людей отправляли в лагеря, обвиняя их в связях с врагами народа. Вместе с ними в лагеря следовали независимо от их возраста и «члены семей изменников Родины». Многие из арестованных затем были расстреляны.

– Жила тогда наша семья в Москве в доме № 5 по Каляевской улице. В доме жили в основном сотрудники Наркомата иностранных дел и Наркомата внешней торговли. В одну из недобрых ночей тридцать седьмого большинство наших соседей было арестовано. Дом был семиэтажный, на каждой площадке – по две квартиры, а всего в подъезде четырнадцать. В одну ночь в нашем подъезде двенадцать квартир из четырнадцати были опечатаны, – спустя много лет рассказывала Розалия Захаровна эту страшную быль своему старшему внуку Владу, который навсегда запомнил неопишутый, смертельный ужас в ее глазах.

Так Владимир Скулачев в двухлетнем возрасте избежал участи «внука врага народа», а вся семья – репрессий и уничтожения.

Спустя одиннадцать лет после этих событий, в начале 1948-го года, Розалия Захаровна убедила Арона Марковича сходить в собес и попросить о повышении пенсии: при всех его

заслугах перед партией и государством пенсия Арона была мизерной и позволяла им лишь еле-еле сводить концы с концами. Арон Маркович, помня наставления жены, подробно поведал принимавшему его работнику пенсионной службы о своем трудовом пути и заслугах перед партией. Сотрудник собеса к просьбе Арона Марковича отнесся со всем вниманием и предложил ему подробнейшим образом письменно изложить автобиографию.

– Позвольте, Арон Маркович, – удивился сотрудник собеса, ознакомившись с написанным, – но почему же при всем этом вы сейчас беспартийный?

– Я принципиально расхожусь с линией Сталина.

– Я вас не знаю, – сказал сотрудник, услышав это. Он встал, подошел к деду, ласково обнял его за плечи и проводил к двери кабинета. – И вас тут не было, – закончил он на прощание, возвращая Арону исписанный им лист бумаги.

Так поход Арона Левитана за повышением пенсии оказался безрезультатным. Узнав о диалоге в собесе, Роза схватила оказавшуюся под рукой драгоценную тарелку саксонского фарфора белоснежного цвета с тонкой, как кровеносный сосуд, красной окантовкой и со страшной силой швырнула ее на кафельный пол в кухне. Привезенный ими когда-то из-за границы сервиз саксонского фарфора был единственным нажитым ими за все годы «состоянием».

– Аря, ты идиот! Сегодня ночью всех нас арестуют! – в ужасе от осознания произошедшего прокричала она.

Увидев, что лицо у Арона стало блее только что разбитого ею фарфора, взяла веник, опустилась на пол и, стоя на коленях, принялась заметать следы содеянного.

– Прости меня, дуру! Ничего нам не будет, наш Бог хранит тебя, святого, и нас всех вместе с тобой! – не спуская полных слез глаз с мужа, причитала она, впервые при внучке произнося вслух слово «Бог».

Сотрудник собеса не донес на Левитана, хотя «выявление антисоветчика» в тот год могло дать ему определенные привилегии, в том числе и продвижение по службе. Накануне в Минске был убит Соломон Михоэлс – всемирно известный театральный режиссер и еврейский общественный деятель. Ходили упорные слухи, что убит он был по прямому приказу Иосифа Сталина, а само убийство было замаскировано под дорожно-транспортное происшествие.

Через два года Арон Маркович Левитан, не оправившись от второго инфаркта, умер в своей московской квартире в доме на Каляевской улице. Последние слова его были обращены к любимой жене, всю жизнь хранившей ему верность. Иногда он называл ее именем «Йоза», данным Розе их дочуркой, когда она еще в силу своего малолетнего возраста не выговаривала букву «р».

– Йоза, – с трудом произносил он слова, – прости меня, что я кричу: очень больно!

Похоронили Арона Марковича Левитана на Донском кладбище в Москве. После смерти мужа Розалия Захаровна резко переменилась.

– Из властного главы семейства, ведущего недрогнувшей рукой мудрого кормчего «лодку жизни» в штормовых волнах проклятого века, она превратилась в добрую старушку, без каких-либо претензий на руководство кем бы то ни было... – так метко и с любовью скажет о ней спустя годы внук ее Владик.

Глава 2

Скулачевы

Отец В.П. Скулачева Петр Степанович Скулачев родился в 1907-м году в маленькой деревеньке Малятино Тихвинского уезда Калужской губернии, что ютилась вблизи самых верховьев реки Оки и располагалась километров на сто южнее родины Арона Левитана – Вязьмы. Деревня эта находилась в глухом, почти первобытном лесу. Это была южная окраина знаменитых брянских лесов. «Шумел сурово брянский лес, спускались синие туманы...» – именно об этих лесах поется в песне Г. Абрамова. Лес тянулся на сотни километров, был сильно заболочен и практически не пригоден для жизни людей. Чтобы выжить в таких условиях, жителям тех мест нужно было иметь какую-никакую пашню, на которой они могли бы выращивать кормившие семьи злаки: овес, просо, ячмень, рожь, пшеницу, гречиху. А в каких-нибудь пятидесяти километрах к югу начиналась Воронежская губерния, рекламировавшая свои плодородные земли знаменитым кубом чернозема: в длину и по высоте – в рост человека. Куб извлекали из почвы и в специальном музейном помещении демонстрировали приезжим, которые не верили, что плодородный слой может быть таким глубоким. Как писал в своих записных книжках А.П. Чехов, «почва такая хорошая, что если посадить в землю оглоблю, то через год вырастет тарантас».

Условия жизни малятинских крестьян были крайне тяжелыми, полными изнуряющего труда. На полевых работах при пахоте земли применялся железный плуг. Чтобы его тащить, требовалась немалая физическая сила. С этой задачей вполне справлялись лошади. Крестьяне же тех мест были в основном безлошадными, поэтому в плуг впрягалась корова, у кого она имела, а в ее отсутствие – кто-нибудь из членов семьи. Пахали люди глинистую, заболоченную почву, пронизанную могучими корнями огромных деревьев, сожженных, чтобы освободить место пашне, на которой потом можно было посадить или посеять что-либо пригодное для прокорма. Среди корней снесенных деревьев гнездились многочисленные гадюки, укусы которых из-за отсутствия какой-либо медицинской помощи зачастую оказывались смертельным. Постоянное недоедание и угроза смерти от голода, использование труда малолетних, начиная с четырехлетнего возраста, тормозили рост детей и приводили к низкорослости живущих там людей. Низкорослость легко было проследить, посмотрев на отца семейства Скулачевых Степана и сравнив его с тремя его сыновьями. Степан и старший его сын Михаил были ростом где-то около метра пятидесяти. Средний сын Петр, живший в уже более благоприятных условиях «отхожего промысла», которым позже занимался его отец и которому он в этом помогал, был ростом выше метра шестидесяти. Младший сын Александр вырос до метра семидесяти пяти: условия его жизни были улучшены появлением в семье коровы и, соответственно, лучшим питанием.

Крестьяне этих мест были в основном хлеборобами и охотниками. Охота здесь была очень опасна из-за находящихся в этих лесах страшно вязких болот, а также из-за хищников – волков и медведей. Люди уходили на охоту и иногда просто не возвращались, что было событием, в общем-то, обычным. Как говорили: «Бог дал – Бог взял».

Семья, в которой родился отец Владимира Петровича, была большая: глава семьи Степан Скулачев, жена его Матрена, трое сыновей и шесть дочерей. Говорили, что Матрена в молодости была женщиной поразительной красоты и что Степан нашел ее где-то в Польше, откуда, женившись, и привез в родную деревню. Степан Михайлович – человек ума практического – рассудил, что ни земледелие, ни охота в этом богом проклятом месте не смогут обеспечить его семье хоть сколько-нибудь достойную жизнь. Именно поэтому с первыми заморозками он уходил в Москву на заработки, которые носили временный, сезонный характер и назывались в те времена «отхожим промыслом». Там Степан освоил специальность столяра-краснодерев-

щика. Столяры-краснодеревщики были наиболее квалифицированными и высокооплачиваемыми мастерами, элитой в своей специальности. Степан Скулачев был отменным и востребованным мастером столярного дела, занимался изготовлением и ремонтом мебели, а также делал различные предметы из дерева. Существовала семейная легенда о том, что деревянные фрукты на витринах знаменитого Елисеевского магазина, что на Тверской улице в Москве, были выструганы именно Степаном Скулачевым и его бригадой столяров.

А жизнь шла своим чередом; но прежде, чем рассказать о дальнейших событиях в семье Скулачевых, в корне изменивших прежнее течение их жизни, хотелось бы напомнить читателю хорошо известное ему еще со школьных времен понятие «коллективизация сельского хозяйства» в послереволюционной России. Коллективизация сельского хозяйства была непосредственно связана с начавшейся в стране индустриализацией. Это требовало не только колоссальных материальных средств, но и бесчисленного количества рабочих рук. Началась коллективизация в декабре 1927-го года. Суть ее заключалась в том, чтобы по всей стране организовать колхозы, призванные объединить отдельных землевладельцев. Чтобы колхозы выполняли поставленные перед ними задачи, обеспечивали население страны сельхозпродукцией, то есть попросту его кормили, необходимо было создать их материальную базу: обеспечить каждый колхоз землей, помещениями, скотом, сельскохозяйственным инвентарем... Деньги на эти цели государством не выделялись. Им было принято решение просто забрать имущество у зажиточных крестьян и передать его в организуемые колхозы, где оно тут же становилось общим.

Кулаки. Название это еще до Октябрьской революции получили крестьяне, имевшие определенный достаток, который позволял им использовать в собственном хозяйстве труд наемных работников – «батраков». Страх новой власти перед контрреволюцией привел, в том числе, к тому, что кулаки были определены как наиболее опасная категория крестьян. В стране было начато раскулачивание, в результате которого у крестьян, имевших сколько-нибудь ценное имущество, все оно отбиралось и передавалось в колхозы: инструмент, животные, дома... Одновременно уничтожались и враги революции – недовольные такими действиями и новой властью крестьяне. Была установлена и норма раскулачиваемых для каждого колхоза – пять-семь процентов жителей деревни, – которая из-за усердия исполнителей зачастую перевыполнялась: раскулачиванию, как значится в различных источниках, фактически подверглось в разных регионах от пяти до двадцати процентов крестьян. Селяне, признанные контрреволюционерами, отправлялись в концлагеря; просто богатые со всей семьей переселялись в отдаленные районы; у крестьян со средним достатком все их имущество также изымалось, а сами они безо всего отправлялись жить в другие, новые для них места, чтобы начать там все сначала. В результате такой политики репрессиям подверглись люди, которые желали и были способны работать и зарабатывать, долгие годы создавали и укрепляли свои собственные хозяйства, не прося помощи у государства, словом, кулаки...

После начавшейся коллективизации местные власти потребовали от каждого жителя деревни Малятино выявить местных кулаков для последующего их раскулачивания. Нужно было выполнять поставленную новой властью задачу. Беда же крестьян деревни, в которой в то время и жила семья Степана и Матрены, состояла в том, что среди них не было ни одного действительно зажиточного. Но, выполняя принятые директивы, комитет бедноты должен был выбирать из деревенских того, кто был хотя бы не так беден, как основная масса, и записать его в кулаки.

После очередной статьи в главной газете страны «Правда», призывавшей к безжалостной борьбе с врагами на селе, сын Степана Петр понял, что отца со всей семьей могут в любой момент сослать в Сибирь. Сам Петр уже закончил институт в Москве, там же и работал. Благодаря «отхожему промыслу» отец его за многие годы труда приобрел три вещи, совершенно необходимые для жизни их большой семье: корову Угрюмку, дававшую молоко и в годы недо-

рода спасавшую семью от голода, самовар и керосиновую лампу – практически единственный источник света, поскольку какой-либо другой, кроме лучины, попросту отсутствовал. Во всей деревне Степан был единственным, у кого были все эти три вещи, считавшиеся для крестьянина их деревни предметами роскоши. Петр ясно понимал, что комитет бедноты непременно запишет отца в кулаки. Последствия этого были для него совершенно очевидны. Петр срочно отправился на родину.

На дворе у Степана чуть светало. В окно деревенской избы кто-то настойчиво стучал, разбудив Матрену. В такое время суток здесь обычно кто-либо посторонний не появлялся, а местные по соседям не ходили.

– Степан, просыпайся, – она слегка тронула мужа за плечо, – кто-то пришел, надо открыть дверь.

– Да-да, – поднимаясь, сквозь сон ответил он.

В такую рань в проеме двери стоял живший в Москве сын Петр.

– ???

– Отец, – едва переступив через порог и плотнее закрыв за собой дверь, сказал Петр, – сегодня все вы уезжаете в Москву.

– Ты считаешь, пора? – Степан и сам понимал, что происходит вокруг и чем это может для него обернуться.

– Пора, медлить нельзя, – Петр был настойчив. – Если сегодня не уедете, завтра можете отправиться в Сибирь.

– Ладно, – согласился Степан с приведенным сыном доводом. – Мать, собираемся!

Он нанял в соседней деревне лошадь с телегой, привязал к телеге корову, погрузил на нее свой нехитрый скарб, свою жену и детей и в сопровождении Петра отправился в сторону Москвы. К счастью, погода стояла сухая, и они даже не застревали на глинистых проселочных дорогах.

В Москве многочисленную семью Скулачевых никто не ждал. Петр с женой Надеждой жили в одной из комнат большой коммунальной квартиры в доме на площади трех вокзалов на Домниковке. Поселиться такой большой компанией в ней и жить было практически невозможно, поэтому Петр повез отца с матерью и со всем семейством в один из поселков ближнего Подмосковья, путь к которому шел по Рязанской железной дороге. Кроме того, жить в Москве после бегства из деревни было небезопасно, да и условия жизни в поселке были схожими с условиями их жизни в Малятино, а поэтому для них более приемлемыми, чем в большом городе. В этом поселке в большинстве своем жили бывшие политкаторжане, в их числе и Арон Маркович Левитан. В этом же поселке земельный участок под дачу получила и единственная дочь старого политкаторжанина Левитана, близкого соратника Ленина, Надежда, вышедшая замуж за Петра Скулачева. Туда и привез Петр отца со всей семьей.

Участок, выделенный Петром и Надеждой под постройку дома для семьи Степана и Матрены, представлял собой непролазную чащу елового и соснового леса, так что для того, чтобы построить там дом, нужно было сначала прорубить просеку от ворот вглубь участка. К такой работе Степану было не привыкать. Да и не было здесь таких непролазных, глухих и заболоченных лесов, как в родных краях.

Степан Скулачев был человеком небольшого роста, да уже совсем и не юным, но это не помешало ему построить деревянный дом за одно лето. Помогали строить одни женщины, жена и дочери. Сыновья же, зарабатывая деньги, пропадали в Москве, благо была она совсем рядом.

Спустя лет десять после смерти Степана Михайловича сын его Петр решил отдать часть дома своему младшему брату. Для этого нужно было распилить дом и перенести треть его на двадцать метров от оставшейся основной части дома.

– Знаешь, Владик, – рассказывал Петр подраставшему сынишке, – я проклял все на свете, пытаюсь разобрать на бревна строение, созданное руками моего отца. Дом стоял и ни в какую

не соглашался разваливаться. Проблема состояла в том, что дед Степан-то строил дом как столяр, а не как плотник, так что каждое сочленение было пригнано одно к другому с точностью до миллиметра. Построил твой дед дом без единого гвоздя: купить их он не мог из-за их дороговизны.

Степан Михайлович Скулачев умер, когда внуку его Владiku – Володе Скулачеву – было пять лет. Владик почти не запомнил старика с калининской бородкой и в очках в железной оправе. Дед никогда не приезжал в Москву, где жил внук, а родители Владика предпочитали на лето использовать в качестве дачи дом другого деда – Арона Марковича, поскольку в нем жили всего двое, он да Розалия Захаровна, а в доме у Степана Михайловича всегда обитало человек до десяти, а то и более. Владик запомнил только кровоподтек на лбу Степана Михайловича от щепки, отлетевшей от бревна в тот момент, когда дед орудовал топором, растапывая в доме печь.

После смерти мужа Матрена ушла в глубокий траур, в котором пребывала до конца своей жизни: постоянно в черной косынке, черной кофте, черной юбке. Как-то Матрена доила свою безрогую корову, уже другую, Рогнетку, которая вдруг сбила с ног доившую ее хозяйку, а потом и прошлась по упавшей женщине, повредив ей грудную клетку. Матрена не оправилась после травмы и вскоре умерла...

Но род Скулачевых продолжался. Жили дети Степана и Матрены, давшие, в свою очередь, жизнь уже и своим детям-следующему поколению, жизненный путь каждого из которых проходил по их собственному сценарию...

Глава 3

Родители. Петр и Надежда

Союз Петра Степановича Скулачева и Надежды Ароновны Левитан со стороны мог показаться довольно странным.

Он, русский, из многолетней крестьянской семьи, выросший в глухой российской деревне, был невысокого роста, худощавым, кареглазым, темноволосым. Общительный и подвижный, с быстрой реакцией на все происходившие вокруг него события, с выразительной мимикой по-мужски красивого лица, он быстро сходился с людьми и, если сам того желал, умел абсолютно покорить себе собеседника. Петр, выросший посреди глухого леса, еще в детстве стал хорошим охотником. Освоить это занятие было для него делом неизбежным: семье нужно было что-то есть, и не только то, что взращивалось на земле. Как до войны, так и после нее, сменив военный китель на гражданский костюм, ставший для него основным видом одежды, он навсегда сохранил страсть к охоте.

Надежда, еврейка, из семьи беглого политкаторжанина, вошедшего затем в руководящую элиту нового государства, была единственным ребенком в семье. Блондинка стойкой кожей бледного, с выразительной мимикой, лица. Ресницы и брови на лице ее были почти не видны. Ее попытки летом загореть неизбежно заканчивались воспалением кожи – покраснением. Косметику она никогда не применяла. Ростом была около ста шестидесяти сантиметров, среднего телосложения. Она была живой и подвижной, эффективной в работе, которая была ей интересна. Вполне добросовестно выполняла и работу, которая интереса у нее не вызывала, но была ей поручена. Надежда была человеком легкоранимым, переживавшим неудачи, даже незначительные, хотя внешне, казалось, спокойно и холодно реагировала на происходящее. За время командировки ее отца Арона Левитана в Берлин, затянувшейся на целых четыре года, Надежда успела окончить там школу, а затем и поступить в Берлине в архитектурный институт. После прихода Гитлера к власти и отзыва обратно в Советский Союз работавших в Германии советских госслужащих еврейской национальности Надежда завершила архитектурное образование в России, став студенткой, а затем и выпускницей уже Московского архитектурного института. Всю жизнь Надежда страдала от очень сильной близорукости.

Очки не полностью компенсировали этот недостаток, который мешал профессиональной деятельности архитектора.

В институте, где Петр и Надежда учились в одной группе, они и познакомились. Поступили они в Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана, а окончили Московский архитектурный институт, став архитекторами.

– Как же так получилось, что поступили они в один институт, а закончили другой? – удивлялась я, обращаясь к Володе, подкладываявшему подсушенные в поленнице дрова в камин, гудевший, казалось, от удовольствия, что его в морозный зимний вечер, наконец, разожгли.

– Ты понимаешь, время было послереволюционное, смутное. Шла борьба между различными революционными течениями. Троцкий был, как ты знаешь, одним из организаторов Октябрьской революции 1917-го года, идеологом одного из течений марксизма – троцкизма. В 1923-м году он стал лидером левой оппозиции в России, а в 1927-м был снят со всех постов и отправлен в ссылку.

– А при чем здесь учеба твоих родителей?

– А при том, что в это время они учились в Бауманке. Придерживавшиеся троцкистских идей наиболее активные студенты МГУ и Бауманки вышли на улицы Москвы с портретами Троцкого и лозунгами «Долой Сталина!», – неторопясь продолжал Володя. – Результатом их активности и стало расформирование МВТУ и МГУ. Ряд факультетов в этих институтах был

закрыт, а на их основе созданы другие учебные заведения. МГУ тогда потерял все четыре своих медицинских факультета.

– В одном МГУ было столько медицинских факультетов?! – поразила я.

– Да. Помнишь ремарку в «Мастере и Маргарите» Булгакова о предсказании судьбы одним из его героев: «Вы умрете через год в клинике третьего МГУ»? Речь шла как раз об одном из этих четырех медицинских факультетов, – Володя в очередной раз удивлял меня не только своей любовью к литературе, но и прекрасным ее знанием. – Университет потерял тогда еще и геологический факультет. Бауманка тоже лишилась ряда факультетов, в том числе и инженерно-строительного, на архитектурном отделении которого и учились мои родители.

После 1930-го на базе инженерно-строительного факультета МВТУ им. Баумана был создан Московский архитектурный институт, в то время единственный в стране готовивший архитекторов, который Петр и Надежда благополучно и закончили.

Жить одной семьей они стали еще до войны, выбрав для своих отношений брак гражданский, то есть без его государственной регистрации. На такое их решение могли повлиять, конечно же, бывшие в то время модными идеи А. Коллонтай, К. Цеткин и Р. Люксембург. Брак свой Петр и Надежда зарегистрируют позже, уже после войны.

* * *

В жизни им несказанно повезло: сразу после окончания института они были приняты на работу в мастерскую Алексея Щусева, выдающегося русского и советского архитектора, по сути, ведущего в то время архитектора страны. Имя это и в наше время на слуху даже непосвященного обывателя. Достаточно сказать, что он проектировал в Москве Казанский вокзал, Мавзолей Ленина, здание Центрального телеграфа на Тверской, здание Механического института на Большой Садовой, дом артистов МХАТа в Борисовском переулке, монастырь в Замоскворечье, гостиницу «Москва», православную церковь в итальянском городе Санремо. Он создал множество других шедевров, которые и сегодня служат человечеству и красотой которых мы наслаждаемся до сих пор.

Петр Скулачев сразу же чем-то приглянулся А. Щусеву, который определенно испытывал к молодому архитектору теплые чувства. Уже спустя некоторое время после появления Петра в мастерской мэтр непременно задерживался у стоящего за кульманом новичка и иногда слегка поглаживал рукой по его жестким, коротким, подстриженным бобриком волосам.

– Ежик, упрямый ежик, – с грустинкой в голосе приговаривал он, ловя с улыбкой твердый взгляд блестящих карих глаз своего подчиненного.

Надежду же мэтр не жаловал, считая, что именно она привносит в творчество супружеской пары молодых архитекторов идеи главного своего конкурента Ивана Жолтовского, поведовавшего иной, нежели сам Щусев, флорентийский архитектурный стиль. Надежда действительно была ярой сторонницей стиля Жолтовского, также хорошо известного архитектора того времени. Именно совместно с ним А. Щусев возглавил работу коллектива архитекторов над проектом перепланировки Москвы. Реконструкция Москвы в средневековом флорентийском стиле была мечтой И. Жолтовского.

– Ты знаешь, я помню свое потрясение, когда в уже зрелом возрасте я увидел во Флоренции необычную башенку с кирпичными сводами в форме купола, как будто кто-то держит ее пальцами руки, протянутой с неба, – рассказывал мне Володя. – До этого в Москве я любовался почти такой же башней Жолтовского. Только во Флоренции ее создавали древние мастера, а в Москве – он. Башенка особенно хороша, если смотреть на нее со стороны Зубовского бульвара, где она великолепно замыкает перспективу, сто очков выигрывая у располагающегося на другой стороне Садового кольца монстра сталинской эпохи – здания Министерства иностранных дел.

Принципиальные профессиональные разногласия начинающих архитекторов Скулачевых с всесильным А. Щусевым не мешали искренней привязанности руководителя мастерской к двум его молодым коллегам. Надо сказать, что два крупных объекта, построенных в Москве по проекту архитекторов П.С. и Н.А. Скулачевых, были выполнены в стиле И. Жолтовского, заимствованном им у средневековых архитекторов Флоренции. Это дом в Москве на площади Гагарина, обращенный фасадами к Ленинскому проспекту и третьему транспортному кольцу, и здание рядом с метро «Новослободская». Но это было позднее, после войны. А пока шла интересная работа в мастерской мэтра; работа, которая прививала им и развивала у молодых архитекторов Скулачевых чувство вкуса и стиля, учила создавать оригинальные концепции. В мастерской в рамках рабочего процесса происходило целенаправленное их обучение, предоставлявшее им возможность их творческой реализации.

В Москве на улице Охотный ряд, дом 2 находится отель «Four Seasons Hotel Moscow» (отель «Москва четыре сезона»), более известный как гостиница «Москва». Огромный комплекс общей площадью около 200000 квадратных метров красуется в самом центре Москвы, рядом с Историческим музеем, открывающим вход на Красную площадь, своим фасадом обращенный к Александровскому саду и Манежной площади.

Строительство гостиницы начиналось еще до войны. В 1930-е годы Моссовет объявил среди проектировщиков конкурс на создание проекта гостиницы, который не принес желаемых результатов, поэтому был проведен следующий конкурс, но уже закрытый, среди сотрудников «Моспроекта». По его итогам лучшим был признан проект молодых архитекторов мастерской А. Щусева – Л. Савельева и О. Стапрана. Правда, проект имел существенные недостатки, не вписывался в исторический облик существовавшего района: не согласовывался с ансамблем Кремля, застройкой прилегающих улиц Охотного ряда, Тверской, Моховой. Тогда в качестве соавтора был приглашен А. Щусев, который и должен был исправить имевшиеся недостатки, доработать проект.

Петр и Надежда Скулачевы, архитекторы мастерской А. Щусева, принимали непосредственное участие в выполнении этой работы. Но используемый в архитектуре того времени стиль «модерн» совершенно не соответствовал архитектурному стилю Надежды. И вскоре великий архитектор убедился в твердом и несговорчивом характере своего нового ученика Петра Скулачева, когда тот вместе со своей женой вдруг выступил с предложением принципиально иного решения проекта, чем тот, который уже разрабатывался их командой.

– Жолтовцы! Оба вы – жолтовцы, – сокрушенно качая головой, комментировал мэтр предложенный ими вариант.

Общеизвестна и сегодня легенда о том, что когда проект был готов и одобрен А. Щусевым, его представили на окончательное утверждение главе государства И. Сталину. Чтобы сэкономить время дорогого вождя, ему показали два возможных варианта главного фасада гостиницы, которые были выполнены на одном чертеже, но разделены осью симметрии. Правая часть чертежа отражала более строгий вариант, левая состояла из большого количества декоративных деталей. Поскольку Сталин поставил свою утвердительную подпись на самой середине объединявшего две идеи представленного чертежа, понять, какой из вариантов он выбрал, было невозможно, поэтому фасад был выполнен в точном соответствии с утвержденным. Говорят, что именно это обстоятельство и являлось причиной асимметрии главного фасада гостиницы «Москва»: левое крыло фасада здания отличалось от правого, нарушая все законы симметрии.

Однако существует и другая версия, по которой, как говорят, на самом деле на чертеже, который и был отправлен строителям, надпись «Утверждаю» поставил сам А. Щусев. Строители же возвели здание в строгом соответствии с представленными чертежами.

Возведенная в 1932-1935-м годах гостиница «Москва» достраивалась и перестраивалась. Строительство второй очереди отеля было завершено в 1968-1977-м годах, а в 2004-м году здание было разобрано.

На его месте к 2013 году было возведено новое, которое в основном повторило внешние формы прежнего, значительно превзойдя предыдущее своими размерами. А вот странная особенность главного фасада гостиницы сохранена и по сей день.

* * *

Первым семейным пристанищем Петра и Надежды была предоставленная семье молодых архитекторов комната в многоквартирной коммуналке в известном тогда доме на Домниковке. Этот дом в Москве на Домниковке до Октябрьской революции был, говорили, самым большим публичным домом в районе трех вокзалов – Николаевского (теперь Ленинградского), Казанского и Ярославского. Советская власть публичные дома отменила, и он был отдан под заселение. Сам дом был четырехэтажным. На первом этаже располагался гастроном, а три следующие за ним этажа состояли из жилых помещений. На каждом этаже было комнат по сорок. В каждой из этих огромных комнат, площадью где-нибудь метров по тридцать пять, с одним большим окном, не было никаких перегородок. Двери из всех комнат выходили прямо в общий на этаже коридор. Две комнаты на этаже, объединенные в одну и оборудованные десятью газовыми плитами, использовались в качестве общей на всех жильцов этого этажа кухни. На каждом этаже на всех, здесь живших, был один туалет и одна ванная.

Семья Скулачевых, Петр, Надежда, а затем и родившийся у них первенец Володя (Владик), жила на втором этаже этого дома. Петр разделил огромную их комнату фанерной перегородкой на большую и меньшую части.

В большей части было огромное, выходящее на Домниковку, окно; там же были обеденный стол и кровать родителей. В меньшей части комнаты обитал Владик с няней Полей, которая родом была из села Сасово, что под Рязанью. Поля фактически стала членом их семьи, занимаясь ребенком и домашним хозяйством, и прожила с ними вплоть до самой смерти Петра. После его смерти она в одночасье заявила, что не желает больше жить в Москве, а предпочитает умереть у себя в родном селе, куда немедленно и отправилась.

В соседней со Скулачевыми комнате справа проживал знаменитый профессор, а слева от них располагалась комната, в которой жила не менее известная в округе личность – главарь одной из местных привокзальных банд. Это второе соседство полностью гарантировало всем жителям их этажа защиту от различных вокзальных жуликов, которые, видимо, в случае чего, до смерти боялись перепутать комнату какого-либо жителя с комнатой их вожака. Все замки в дверях так называемых квартир отсутствовали. И жильцы, находясь дома, запирали свои комнаты на крючки изнутри, а уходя на работу, оставляли свои двери не запертыми. Считалось, что воры на второй этаж поживиться никогда не придут, поскольку одну из многочисленных комнат занимал сам их главарь. И, надо сказать, не приходили.

Надежда беспрекословно признавала лидерство мужа во всем. Со своей стороны, Петр, как человек умный, очень быстро понял, что он лишен того настоящего архитектурного таланта, которым обладала его жена, а для нее архитектура была истинным призванием. Минус состоял еще и в том, что Петр начисто был лишен дара художника, что для архитектора тогда было жизненно необходимо. В те годы еще не было компьютерного проектирования, и объект будущего строительства архитектору надо было не только изобразить на чертеже, но и нарисовать маслом на холсте, чтобы можно было увидеть будущий объект с разных позиций. С этим у Петра как раз и были проблемы. Но на этом обязанности специалиста не заканчивались. После согласования созданного проекта архитектор должен был контролировать весь процесс возведения здания, участвовать в его приемке после завершения строительства. Всю жизнь

они работали вместе: Надежда занималась в основном проектированием, Петр – в основном остальной работой, включавшей обязательный архитектурный надзор на всех стадиях строительства. Из-за близорукости Надежды Петр никогда не разрешал ей забираться на леса строящихся зданий. Из-за той же близорукости она могла не заметить в строящемся здании отклонений от чертежа, случавшихся в строительстве, и в этом вопросе он был ее первым помощником и бесспорным гарантом.

* * *

Мирное течение жизни прервала признанная позднее самой разрушительной и кровопролитной в истории человечества Вторая мировая, а для Советского Союза – Великая Отечественная, война, оставившая свои роковые отметины фактически в каждой советской семье. На территории СССР война началась, как известно, 22 июня 1941-го года, а с 23 июня была объявлена мобилизация военнообязанных рождения с 1905-го по 1918-й годы.

Петр ушел на фронт сразу же, в июне. Служил он сначала в пехотных войсках под Москвой. С конца сентября до начала декабря 1941-го года Москва оборонялась. В период этого оборонительного этапа в спешном порядке создавалась линия обороны столицы, общая протяженность которой составила более двухсот километров. К возведению фортификационных сооружений привлекались как профессионалы – саперы, строители, – так и жители города – оборонявшие эти рубежи дивизии народного ополчения, которые при необходимости перебрасывались на передний край, где, плохо обученные и так же плохо вооруженные, они под мощными ударами наступающего хорошо подготовленного противника зачастую очень быстро погибали.

Возвратившийся с войны Петр во время затеваемых кем-либо разговоров о войне суровел: он замыкался в себе, как будто застывал, взгляд его становился неподвижным и холодным. Он почти никогда не рассказывал о войне и Володе. Тема эта, казалось, была закрыта им навсегда. Однако память его старшего сына все же зафиксировала из военного прошлого отца три эпизода, доверенных ему отцом в редкие моменты «оттепели».

Первый известный о Петре случай, когда он мог погибнуть, произошел с ним вскоре после его мобилизации. Защищали Москву. Недоученные бойцы, каждый с единственной винтовкой, были брошены на штурм высоты, на вершине которой стоял немецкий пулемет, державший под обстрелом весь склон. Два отделения из трех составлявших взвод прямым пулеметным огнем уже были полностью уничтожены. Поступил приказ и третьему отделению любой ценой добраться до вершины высоты. Стало очевидным, что это отделение было обречено на ту же участь, что и два предыдущих. В какой-то момент была потеряна и радиосвязь с командиром роты.

– В радио кто-нибудь разбирается? – командовавший взводом молодой лейтенант, взвинченным от напряжения голосом вопрошал у оставшихся в живых солдат, судорожно пытаясь найти хоть какой-то выход из, казалось, безнадежной ситуации.

Петр ничего не понимал в радио, но когда молчание остальных означало только то, что никто в радио тоже ничего не смыслит, молча взял связывавший с командованием аппарат и внимательно начал его разбирать. За время, пока Петр пытался разобраться в приемнике, по траншее до них, наконец, ползком из штаба добрался связной, сообщивший об отмене приказа о штурме высоты. Эта задержка штурма из-за возни с радио и спасла от неминуемой гибели как самого Петра, так и всех остальных бойцов третьего отделения.

Красная армия отстояла Москву. Наступление гитлеровцев, не сумевших уничтожить нашу армию до наступления зимы, было остановлено, а 5 декабря 1941-го под Москвой войска

Красной армии начали контрнаступление. Часть, в которой служил Петр Скулачев, понесла большие потери, была снята с фронта и отправлена в тыл под Казань на переформирование.

Из-под Казани Петр был переброшен под Сталинград, где с июля 1942-го по февраль 1943-го года шла Сталинградская битва – одна из самых кровавых битв по количеству безвозвратных потерь с обеих воюющих сторон, давшая возможность командованию Красной армии перехватить стратегическую инициативу в войне. Командование передвинуло свои резервы от Москвы к Волге, перебросило в район Сталинграда большую часть воздушных сил. Для создания нового фронта обороны войскам приходилось с ходу занимать позиции на местности. Поступавшие на Сталинградский фронт новые формирования еще не были должным образом сколочены и в большинстве своем не имели боевого опыта. Истребительная авиация, противотанковая и зенитная артиллерия, боеприпасы и автотранспорт были в явно недостаточном количестве. Не хватало и необходимого для бойцов обмундирования.

А 9 ноября 1942-го года грянул первый мороз минус 18 градусов. Вообще зима 1942-1943-го годов была самой суровой за последнюю более чем сотню лет. В ноябре-декабре 1942-го года температура под Сталинградом частенько опускалась ниже минус 20–30 градусов по Цельсию, а во второй половине января и феврале 1943-го года иногда достигала и минус 40–45 градусов. При дыхании на морозе на какую-либо поверхность на ней тут же образовывалась легкая корочка льда. Для поддержания кровообращения надо было постоянно шевелить пальцами ног и рук. Бойцы большую часть времени находились под открытым небом, поэтому части Красной армии, так же, кстати, как и части противника, несли потери не только от вражеского огня, но и от холода.

Когда немцы в районе Сталинграда прорвались к Волге, командование срочно начало стягивать туда имевшиеся боеспособные части. Шли пешком от Казани до Сталинграда в условиях набирающего обороты холода. Петр был в числе тех военнослужащих, которым валенок не хватило, поэтому шел он в кирзовых сапогах, в которые были одеты постоянно мерзнувшие ноги, обернутые в портянки – куски ткани для обматывания ног для ходьбы в сапогах.

– Валенки нет и не будет. Сделать ничего не могу. Идем в сапогах. Всем как следует надеть портянки. За потертость ног – расстрел на месте, – жестко напутствовал командир батальона убывающих под Сталинград солдат и офицеров.

Под Сталинградом Петр был госпитализирован в медсанбат: он таки обморозил обе ноги.

– Ампутируем обе, – услышал он слова хирурга во время осмотра.

За месяц до этого по войскам был объявлен приказ главнокомандующего, разрешавший офицерам иметь при себе личное оружие в любое время, независимо от обстановки. Младший лейтенант Петр Скулачев имел при себе пистолет всегда.

– Проснусь без ног- пристрелю! – выхватив пистолет, быстро и твердо сказал он хирургу, смотря тому прямо в глаза.

И хирург поверил и ноги не ампутировал. Петр вернулся домой на своих ногах.

Из медсанбата Петр был направлен в Москву в госпиталь, лечение предстояло длительное. Шел 1943-й год. Петр был уже в звании лейтенанта. Война продолжалась, и его было решено использовать на воинской службе, по его, в сущности, специальности, назначив командиром взвода строительного батальона, занимавшегося восстановлением разрушенной войной Москвы. Как-то солдат из его взвода при строительстве лесов неаккуратно закрепил на них доску. Петр наступил на нее и упал с третьего этажа на первый, потеряв от удара сознание.

– Солдатик не виноват, – была первой его фраза после того, как он пришел в себя. Он прекрасно понимал, что могло ожидать его подчиненного, если случившемся с ним «дать ход».

После полученной травмы Петра опять госпитализировали. К счастью, серьезных переломов не случилось, он возвратился в часть, но его перевели на условия домашнего ночлега: утром он уходил на службу, а вечером возвращался домой, в просторную квартиру своего тестя

Арона Левитана, на Каляевскую, куда вся его семья в 1943-м возвратилась из эвакуации. А в 1944-м он все же был демобилизован по болезни.

Надежда с семьей-она, шестилетний Владик, Арон Маркович и Розалия Захаровна – в ноябре 1941-го года были эвакуированы в Джамбул. Из эвакуации в 1943-м возвратились в Москву в квартиру Арона Марковича. Там семья и воссоединилась с Петром. По утверждению Надежды, с войны Петр вернулся абсолютно другим, во всех отношениях сломленным человеком.

* * *

Продолжавшаяся почти четыре года война закончилась. Великая Отечественная война – кровавое, жестокое и беспощадное действо – оставила без крова в стране около 25 миллионов человек. Людям просто негде было жить. Обратившись к многочисленным источникам информации о послевоенном состоянии жилищного фонда в стране, можно четко уяснить, что во время войны было уничтожено порядка 1710 городов и более 10000 деревень и сел, в общей сложности до 6 миллионов зданий. Основная масса горожан жила в бараках, подвалах, аварийных зданиях, многосемейных коммуналках. Жилищные условия людей были далеки не то что от идеальных, а от просто нормальных.

В 1947-м году было принято постановление Совета министров СССР «О строительстве в Москве многоэтажных зданий». Инициатором его принятия был Сталин. Предполагалось возвести в Москве восемь высоток, которые должны были символизировать 800-летие Москвы. Заложены они были в год празднования юбилея, в 1947-м, однако фактически построено было не восемь, а семь высоток. Семь московских высоток, как и Московское метро, должны были стать символом грядущего коммунизма в стране. Стоили эти башни несравненно дороже, чем блочные пятиэтажки, но зато они были призваны вдохновлять советский народ на новые трудовые подвиги. Авторы этих высоток-лучшие специалисты своего времени – создавали оригинальные архитектурные решения, получившие название сталинский ампиризм или советский монументальный классицизм. Высотки такого же порядка должны были появиться в каждом крупном областном центре и в столицах союзных республик. Кроме строительства знаменитых высоток, в Москве строились и «сталинские» жилые дома, снабженные всеми видами благоустройства и предназначенные для заселения каждой квартиры одной семьей, что, безусловно, существенно увеличивало затраты на строительство такого жилья.

По проектам архитекторов Скулачевых в Москве были возведены два таких дома. Это дом 31-А по Ленинскому проспекту на площади Гагарина и жилой дом рядом с метро «Новослободская». По существовавшим в то время правилам нуждающиеся в жилье архитекторы обеспечивались им в построенных по их проектам домах. Скулачевым была предоставлена пятикомнатная квартира в Москве в доме на Ленинском проспекте.

Но самое известное здание архитекторов Скулачевых было воздвигнуто не в Москве, а в Воронеже. Это существующий и поныне жилой дом № 82 по улице Кольцовская. Состоит он из трех пятиэтажных корпусов; центром этой композиции является десятиэтажная башня, замыкающая перспективу улиц 20-летия Октября и Кольцовской.

В ходе послевоенного восстановления советский архитектор Л.В. Руднев, педагог и организатор крупных архитектурно-проектных организаций, работавший в стиле сталинского ампира, совместно с другими создавший одну из знаменитых высоток – здание МГУ им. М.В. Ломоносова, предлагал построить в Воронеже 16-этажную высотку. Проект дома был разработан в 1950-м году архитекторами П.С. Скулачевым, Н.А. Скулачевой и Г.Е. Руденко. Перед московскими архитекторами была поставлена задача на пепелище старинного русского города, практически уничтоженного войной, спроектировать новый Воронеж. К тому времени в Москве уже было завершено строительство семи сталинских высоток, самой импозантной

из которых оказалось здание Московского университета на Воробьевых горах. Считалось, что строительством высоток Сталин хотел увековечить свое правление, и никакие затраты на такое строительство не могли считаться излишними.

На первых порах стройка, к изумлению воронежских жителей, быстро тянулась вверх, сразу став самым высоким зданием в городе. В Москве спохватились, когда башня была достроена до последнего этажа, и оставалось только украсить ее высоченным шпилем, венчаемым гербом СССР. И тут оказалось, что воронежские строители не располагают краном, который мог бы поднять шпиль на такую высоту. Запросили Москву прислать один из кранов, использовавшихся при строительстве московских высоток. Кто-то из начальства возмутился размахом строительства и тем, что воронежская высотка могла по высоте конкурировать с Московским университетом. На самом же деле была она более чем вдвое ниже московской.

Согласно бытующей до сих пор легенде, Н.С. Хрущев, руководитель ЦК КПСС – единственной легальной правящей партии страны, обладавшей монопольным правом на политическую власть, – как на грех, в это время попал в Воронеж.

– Ну-ка, здесь останови, – приказал Хрущев водителю, увидев в окно машины недостроенную башню высотки.

– Ого! – выразительно посмотрев на секретаря Воронежского обкома, только и сказал он.

И этого восклицания оказалось достаточным, чтобы не только прекратить стройку, но и публично наказать одного из авторов проекта архитектора П.С. Скулачева критическим упоминанием его имени в тексте постановления ЦК, которое вскоре было принято. Дом на Кольцовской в Воронеже и один из его архитекторов были указаны в принятом 4 ноября 1955-го года Центральным комитетом КПСС и Советом Министров СССР совместном постановлении «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». В нем отмечалось, что многие архитекторы увлеклись внешней показной стороной архитектуры, занимаясь украшением фасадов зданий, пренебрегая созданием удобств для населения и требованиями экономики, связи с чем в последние годы перерасходовано много государственных средств. Из текста постановления: «...В г. Воронеже на улице Кольцова строится 5-этажный жилой дом Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности (архитектор Скулачев) с башней высотой более 70 метров, стоимость которой составляет около 2 млн рублей...»

Надежда Ароновна Скулачева.

*Петр Степанович Скулачев
Фото из семейного архива*

Постановление ЦК КПСС и СМ СССР 1955-го года положило начало по сути разгрому архитектурного дела в СССР под видом экономии денег и направления их на строительство большого количества жилых домов и квартир. На первой странице вышедшего вскоре номера газеты «Правда» была опубликована статья, в которой московские архитекторы П.С. и Н.А. Скулачевы обвинялись в склонности к гигантизму за счет народных средств. После выхода этой статьи никто бы не удивился, если бы Скулачевых просто перевели из архитекторов в чертежники. Время, когда бы их за это просто могли объявить врагами народа и расстрелять, к счастью, уже миновало.

Инициатор высотного строительства Сталин умер в 1953-м году, и к власти пришли другие люди. Новое руководство страны поставило первоочередной своей задачей как можно скорее решить-таки жилищный вопрос. Эту проблему можно было решить путем рядовой, обычной застройки, ставшей массовым строительством. Тогдашнюю власть можно было понять, и в ее борьбе с архитектурными излишествами можно было найти здравый смысл. После войны в стране ощущался колоссальный дефицит жилья. Многие города во время военных действий были разрушены и сожжены дотла, поэтому скудный бюджет государства в то время действительно стоило направить на строительство невысоких блочных домов из бетона – изобретение американца Томаса Эдисона, который придумал и назвал такие дома жильем для промышлен-

ных рабочих. Это позволило массово обеспечить людей пусть небольшими и недолговечными, но отдельными квартирами с необходимым минимумом удобств.

Шел 1955-й год. Никто не знал, что будет с опальным архитектором и его женой – соавтором проекта, но Петр Скулачев вспомнил сталинские 30-е годы и раскулачивание, когда ему удалось спасти отца и всю свою семью от сибирской ссылки исключительно благодаря быстроте своих действий. П.С. Скулачев и Н.А. Скулачева больше никогда не проектировали жилые дома. На следующий день после опубликования постановления Петр попросил жену написать заявление об уходе с работы. Приложив ее заявление к своему аналогичному, он отправился к руководителю архитектурной мастерской Г.Е. Руденко, у которого оба работали. Так, по сути, закончилась их архитектурная карьера. Из мастерской Г.Е. Руденко, расформированной как все другие мастерские такого порядка, они перешли в институт «Гипростанок», чтобы проектировать заводские корпуса – безликие коробки цехов станкостроительных заводов в разных городах страны. И вскоре все крупные города, включая столицу, были загромождены безликими панельными пятиэтажками с квартирами с низкими потолками и меньшей, чем раньше, жилой площадью. Меткий на слово русский народ назвал их новым выразительным словом «хрущобы».

Но Воронеж все же получил свою высотку, хотя и с вдвое сниженным по высоте венчающим ее шатром. Что было делать с уже возведенной башней, ведь квартиры в ней уже значились готовыми к заселению? В результате пришли к половинчатому решению. Подъемный кран из Москвы не прислали, соорудить шпиль с гербом не стали, а оставили все, как получилось, хотя дом этот без шпиля и смотрелся как монумент какому-то великому человеку без головы. В результате этажность здания была уменьшена, а башня не имела спроектированного архитекторами Скулачевыми шатрового завершения и шпиля с гербом. Проект был изменен. Новый проект законченного здания, здания уже без башни, выполнил воронежский архитектор.

Но не избалованные подарками судьбы жители Воронежа уже успели полюбить свою высотку, прозванную «Высоткой у Девицкого выезда». По пролетарским праздникам дважды в году (май, ноябрь), чтобы как-то компенсировать отсутствие достойного здания завершения, на недостроенной башне сооружали шпиль из досок, украшали его гирляндами электрических лампочек, которые включали по вечерам. Шли годы, и кому-то из градоначальников, видимо, надоело, что истинный контур самого высокого в городе здания можно было угадать только в праздничные вечера. И башня получила, наконец, свой шпиль с гербом. Шпиль был установлен позднее, в конце 1970-х годов. Высота его оказалась вдвое короче, чем была спроектирована. Еще позже шпиль все же был приведен в соответствие с первоначальным проектом. К тому времени П.С. Скулачева уже не было в живых, а Н.А. Скулачева вышла на пенсию.

* * *

Война, обморожение, полученные травмы, тромбоз обеих ног и сердечная недостаточность ускорили уход Петра Степановича Скулачева. Умер он в 1961-м году от инфаркта, успев-таки за прошедшие после войны 16 лет несколько раз сходить на так любимую им охоту.

Надежда Ароновна прожила еще 47 лет и умерла в возрасте 97-ми. Петр был, безусловно, главой семьи, и смерть его стала невосполнимой для семьи потерей. Владимир, которому к моменту смерти отца исполнилось 26 лет, только что закончил аспирантуру. Младшему его сыну Дмитрию исполнилось 15. Еще до Петра умерли оба деда, Арон и Степан, поэтому возглавить семью, кроме Надежды, было некому. Смерть мужа казалась ей страшной несправедливостью, с которой она до конца своих дней так и не смогла смириться. Надежда ушла на пенсию и посвятила себя помощи в воспитании дочери Владимира Татьяны и сыновей своего младшего сына Дмитрия. Наступил спокойный и, в общем-то, счастливый период ее жизни, когда не надо было совмещать работу с какими-нибудь домашними обязанностями. Появилось время

для выращивания овощей и цветов на даче, для путешествий и занятий спортом. Надежда стала заядлой лыжницей, нередко ездила с подругами-сверстницами по стране. Беда наступила, когда ей было уже за восемьдесят: она заболела глаукомой и, в конце концов, ослепла. Жила она в семье своего младшего сына Дмитрия, а в летнее время – на даче старшего. В 1988/89-м годах Надежда Ароновна создала проект будущего дома своего старшего сына Владика, который построил его на средства от издания написанного им на английском языке учебника по биоэнергетике. Она была уже слепа и ваяла проект из спичек, скомпоновав сначала все помещения первого этажа, а затем – второго. Дача эта и сегодня в полной мере соответствует созданному ею из спичек, а затем перенесенному на чертеж проекту. Ослепнув, она начала писать стихи, которые надиктовывала внукам. У нее была очень хорошая память, и она постоянно вспоминала свою долгую жизнь, наиболее яркие и дорогие ее сердцу эпизоды из которой мелькали в ее памяти как вид из окошка поезда дальнего следования. Умерла она, не дожив полутора месяцев до 98 лет.

Часть 2

Владимир Скулачев

Многие открытия в науке делаются случайно, но не случайными людьми.

Неизвестный автор

1

21 февраля 1935-го года, в четверг, в Москве у Петра Скулачева и Надежды Левитан родился первенец, которого назвали Владимиром. Назвали его именем вождя мирового пролетариата – Ленина. Это была дань времени.

– Ты знаешь, – рассказывал мне Володя, – когда я пошел в школу, оказалось, что почти половина всех мальчиков класса носят то же, что и я, имя. Учился я в мужской школе, и подавляющее большинство мальчиков, особенно первенцев, звали Володями. Наверное, меня, как старшего сына, должны были согласно русской традиции назвать либо в честь деда, отца моего отца, Степаном, либо выбрать мне имя по церковному календарю.

Но все домашние звали его не Володей, а другим, детским именем – Владик. На Володю или Вову ребенок просто не откликался.

Все воспоминания раннего детства Володи связаны с отцом, которого он обожал. Отец был самым любимым его человеком и служил для сына непререкаемым авторитетом.

– Владик, я ухожу на работу, – частенько говорил он, освобождаясь от объятий сынишки, – какую игрушку тебе принести?

– Ба-ла-бан, – старательно выговаривал Владик название желанной игрушки.

Он любил извлекать из этого круглого и не совсем понятного предмета гамму всевозможных звуков. Исследование игрушки заканчивалось ее уничтожением, потому что, наигравшись, Владик сильно топал ножкой, целясь прямо в середину круга, отчего сразу продавливал барабан.

– Ух ты! – то ли удивлялся, то ли сокрушался отец, видя перед собой остатки только что принесенной им игрушки.

А через день, к радости Владика, отец приносил барабан размером больше прежнего. Но его ждала участь предыдущего, поскольку одним целенаправленным прыжком Владика игрушка уничтожалась и отправлялась на помойку.

Незабываемыми для Владика были моменты, когда отец предлагал уже чуть подростку сынишке покататься по Москве. В то время легковых автомобилей было очень мало, не много было и такси.

– Владик, поехали кататься по Москве?

– Поехали! – с восторгом соглашался Владик.

Они выходили на улицу и ждали такси с зеленым огоньком. Все такси были одинаковыми. Это были автомобили «ГАЗ М-1», серийно производившиеся на Горьковском автомобильном заводе и получившие в народе название «эмка». Отец поднимал руку, такси останавливалось. Петр открывал заднюю его дверцу, пропускал Владика вглубь машины, где славно пахло бензином, и сам устраивался рядом с сыном.

– Куда едем? – строго, как казалось Владика, спрашивал водитель.

– Москву смотреть, – широко улыбаясь и крепко прижимая к себе сынишку, отвечал Петр.

Таксист важно кивал и вез их показывать Москву, которую Петр, собственно, и сам прекрасно знал. Владик, прижавшись к отцу, во все глаза смотрел вокруг: Москва восстанавливалась, строилась и вся была в лесах.

Петр постоянно пропадал на работе, поэтому не мог уделять много времени общению с сыном. Работал он в ведущей архитектурной мастерской, выполнявшей важнейшие задачи по проектированию Москвы. Основным лозунгом сотрудников мастерской был «ударный труд», означавший практически круглосуточную их работу. Людей отпускали домой разве что поспать, а поскольку и мать Владика работала в той же, что и отец, мастерской, родители дома находились, по сути, время от времени. Владик был под постоянным и неустанным надзором няни Поли, Пелагеи Павловны.

Когда началась война, Володе исполнилось шесть лет. Жила семья в Москве в одной огромной комнате в доме на Домниковке. С наступлением лета семья, как обычно, переехала в Подмоскowie на дачу. Какой-то своей мгновенной реакцией на объявление войны Володя не помнил. Только через несколько дней после ее начала у него возникло ощущение, что произошло что-то абсолютно новое и ужасное, что-то такое, чего раньше никогда в его жизни не было.

Петр и его младший брат Александр отправились в военкомат, который вызвал их повестками. Дома все с нетерпением ждали, с чем они вернуться, попадают ли они под первую волну мобилизации или нет? Ушли они рано утром, а среди дня прибежал один из двоюродных братьев Владика, летом тоже живший на даче.

– Я видел дядю Петю и дядю Сашу. Они идут сюда со станции очень веселые, – вбежав в дом, радостным криком сообщил он ожидавшим известий.

Послышались вздохи облегчения, и уже через несколько минут Петр и Александр вошли на террасу дачи.

– Завтра утром мы должны явиться на сборный пункт новобранцев: каждый с ложкой, кружкой и полотенцем, – воодушевленно сообщил Петр. Оказалось, что оба они уже мобилизованы.

На следующее утро Владик проснулся очень рано и тихонечко лежал в своей деревянной кровати. Вдруг в предрассветных сумерках у кровати возникла фигура Петра. Он нагнулся к сыну и поцеловал ребенка в лобик, чего раньше, как человек скорее суровый, чем сентиментальный, никогда не делал. Петр тут же ушел, и увиделись отец с сыном только спустя два с половиной года.

С утра 22 июня 1941-го года началась цепь событий, абсолютно изменивших весь семейный уклад и обычный ход жизни маленького Владика. Москву начали бомбить, особенно интенсивно в районе трех вокзалов-Ленинградского, Казанского и Ярославского, рядом с которыми и был расположен их дом на Домниковке. Поскольку семья обитала на даче, решено было из дачного поселка пока в Москву не возвращаться и как можно дольше пожить за городом, где было спокойнее. Арон Маркович обратился с просьбой об эвакуации семьи из Москвы. Просьба его была удовлетворена, и всю семью-Арона Марковича, Розалию Захаровну, дочь их Надежду с внуком Владиком – прикрепили к коллективу Московского завода «Фрезер», который подлежал эвакуации куда-то на юго-восток.

Надежда тщетно пыталась узнать, по какому адресу Петр мог писать им с фронта, но из-за страшной неразберихи в первые месяцы войны она не смогла получить никакой информации. В московскую квартиру от Петра пришло одно коротенькое письмецо. Дачный поселок старых политкаторжан как-то вдруг совершенно опустел, а те немногие семьи, что остались в нем, занялись рытьем узких и глубоких траншей, называвшихся «щелями», для защиты людей

от бомбардировок, которые происходили не только в Москве, но случались и в ближайшем Подмосковье.

Однажды на улице Владик нашел черный осколок, который долго хранил в секрете. Он узнал, что скоро их семья уедет на поезде далеко-далеко, и поскольку он никогда еще на поездах дальнего следования не путешествовал, ждал этого события с интересом и нетерпением. Чтобы скоротать время, он на тропинках дачного участка из длинных еловых шишек делал многочисленные эшелоны, представляя себя пассажиром одного из них.

Сентябрь сорок первого выдался сухим и прозрачным. В ожидании эвакуации Владик с дедом Ароном часто гуляли по поселку. Однажды дед поразил внука тем, что, увидев скамейку через открытую на чужой участок калитку, зашел с внуком на совершенно чужую и казавшуюся необитаемой территорию, чтобы посидеть там на скамейке. С полчаса они сидели и, отдохнув, продолжили свое путешествие. У Владика осталось ощущение какого-то огромного смещения правил совместной жизни дачников, которые раньше никогда не позволили бы себе такой вольности.

2

Путешествие в эвакуацию началось только в конце ноября 1941-го. Для этого пришлось уехать из дачного поселка и переночевать в одном из цехов завода «Фрезер», чтобы рано утром вместе с рабочими завода погрузиться в эшелон, уходящий на юго-восток. В цеху спали все рядом на чемоданах с пожитками. Бабушка ночью громко храпела.

– Бабушка, а на кого ты всю ночь рычала? – спросил ее утром удивленный Владик. До этого он всегда спал в отдельной комнате и никогда не слышал человеческого храпа.

Эшелонов, на которых отправляли в эвакуацию, было два. Один следовал в Северный Казахстан, в Кустанай, другой – в Южный Казахстан, в город Джамбул. Им повезло: они оказались во втором эшелоне. Дело в том, что Кустанай был расположен в середине практически необитаемой пустыни со страшной жарой летом и тридцатиградусным морозом зимой, а также чудовищными пыльными бурями. А вот город Джамбул, если бы не война, мог бы стать отличным курортом в Тянь-Шаньских горах: чудесная флора, начинающиеся тут же в горах ледники, живописные долины, чистейшие реки, спускавшиеся куда-то далеко вниз, между грандиозными, фантастической формы, пиками гор.

Городу негде было принять все прибывавшие из Центральной России полчища беженцев, и первые дни они провели в местной мечети, уже привычным образом располагаясь ко сну на чемоданах. Потом их подсадили к семье одного из русских рабочих, жившей в мазанке в переулке около Мучного базара. Это была пара очень милых пожилых людей, проводивших в Красную армию двоих своих сыновей.

Владик навсегда запомнил жуткие часы перед восходом солнца, когда по переулку, где они жили, проходил почтальон.

– Перфильевы, Осокины, Ивановы... – выкрикивал он чьи-то фамилии.

Хозяйка их дома сидела на топчане рядом с Надеждой, сильно держа ее крепко сжатые кулачки в своих натруженных ладонях. Обе молили Бога не услышать свои фамилии: ведь почти вся корреспонденция, которую разносил почтальон, были похоронки. Владиду казалось, что он никогда в жизни не видел таких бледных лиц, какими они были в такие моменты у его матери и их хозяйки. Но вот голос почтальона удалялся, потом стихал, и Надежда, опустив свою голову на руки хозяйки, тихо, чтобы не разбудить мужчин, плакала слезами человека, попавшего в безнадежную ситуацию.

Жизнь в Джамбуле для семи-восьмилетнего мальчика была полна необычайных открытий. Пожалуй, главным было то, что, оказалось, земля представляла собой не только равнину; на ней встречались и впервые увиденные им горы, уходившие в небо даже сквозь самые высокие облака. Весной эти горы на несколько дней становились цветными: зацветали предшествовавшие ледникам альпийские луга. Оказалось, что даже небольшие речки могли ворочать огромные камни, которые на уступах скалистых гор с грохотом обрушивались в бездну.

Верблюда можно было увидеть не в зоопарке, где это гордое животное, по-видимому, изнывало от скуки и однообразия жизни, а на свободе. В Джамбуле Владик видел длинные караваны верблюдов, спускавшихся с гор и поднимающихся из долин в город, где они чувствовали себя, безусловно, хозяевами – самыми большими и самыми мудрыми. Внезапно верблюды принимали решение устроить привал и ложились посередине дороги, так что встречавшимся им машинам, увидеть которых верблюды могли за три-пять километров, приходилось аккуратно их объезжать. Но и лежа они старались держать свои головы гордо, где-то на уровне глаз проходивших мимо них людей, высоко задрав свои огромные мягкие носы и посматривая на прохожих глазами, полуприкрытыми веками и обрамленными густыми длинными ресницами.

Огромным и разнообразным оказался мир насекомых и пауков, гораздо более крупных, чем в подмосковном дачном поселке, а иногда и смертельно опасных. Особенно страшным был

огромный тарантул, неспешно путешествовавший по земле с сотней новорожденных детенышей на своей обширной спине, которые сразу после рождения, вылупившись из крошечных яиц, тотчас резво взбирались родителю на широкую спину, используя ее как средство передвижения.

Но самым сильным и незабываемым впечатлением оказалась война между черными и красными муравьями. По-видимому, внезапное изобилие прохожих на узких улочках Джамбула заставляло муравьев выбирать в качестве места для битвы глинобитный забор (дувал), отделявший двор от улицы. Дувал был метра в два высотой, абсолютно белый и ровный, и две муравьиные армии по несколько тысяч крупных муравьев с каждой стороны сходились в ожесточенной схватке на плоскости дувала. Единственное неудобство состояло в том, что, сцепившись клешнями в единоборстве с противником, они тут же срывались с забора и падали на землю, чтобы сразу же разбежаться в разные стороны и затем присоединиться каждый к своей армии, еще находившейся на дувале, и с еще не растраченными силами снова ринуться в бой. Владик мог часами наблюдать незабываемые муравьиные баталии, с интересом познавая мир муравьев. Своими открытиями он ни с кем не делился: друзей у него здесь не было. Мальчиков его возраста здесь было очень мало, и значительная их часть по-русски не говорила.

На работу в Джамбуле устроиться смогла только Надежда, у которой вдруг, в, казалось бы, безнадежной ситуации, в которой оказалась ее семья, обнаружились организаторские способности. Она сумела создать на местной фабрике маленький цех по производству детских игрушек, которого до этого в городе просто не было. Переговоры она вела с руководителем фабрики. Как-то во время очередной беседы директор, казах по национальности, без видимой причины вдруг погладил по ее русым волосам и тронул за кисть ее белой руки.

– В чем дело? – растерявшись от неожиданности, спросила Надежда пожилого казаха.

– Извините, не хотел вас обидеть. Я просто никогда в жизни так близко не видел живого архитектора, да к тому же еще и женщину, – объяснил казах свое беззлобное любопытство.

Надежда стала заведующей цехом детской игрушки и его дизайнером: она прекрасно рисовала. Это был единственный заработок, благодаря которому семья в Джамбуле могла существовать. Жили тяжело, взрослые просто голодали, хотя Владик не помнил, чтобы он когда-либо ощущал голод: ему еды хватало всегда.

В школу Владик должен был пойти осенью сорок первого, но в сентябре все московские школы были закрыты. Когда в декабре того же сорок первого года он приехал в Джамбул, то оказалось, что немногочисленные школьные здания городка уже использовались как общежития для размещения эвакуированных. Однако в сентябре сорок второго некоторые школы все-таки открылись. Владик проучился полтора месяца, по возрасту попав сразу во второй класс. Считалось, что дед Арон Маркович прошел с ним всю программу первого класса. В молодости он обучал детей, работая домашним учителем. Однако дед учительствовал в Николаеве пятьдесят лет назад, и предъявляемые в те далекие годы требования к обучению отличались от программы советской школы, поэтому дед, видимо, объяснил внуку далеко не все, что теперь от того требовалось. На первом же уроке арифметики молодая учительница Джамбульской школы написала на доске уравнение со скобками. Владик робко поднял руку.

– У тебя вопрос? – поинтересовалась учительница.

– Да. А что значат эти скобки? – полюбопытствовал Владик.

– Ну, все понятно, – сказала учительница, как-то грустно посмотрев на ребенка. – Подойдешь ко мне после уроков.

После уроков она быстро установила степень его грамотности и подсказала, что нужно подучить. Но больше Владик ее никогда не встречал, потому что на следующий день он уехал из Джамбула.

Победа Красной армии под Москвой и Сталинградом стала стимулом в стремлении семьи возвратиться в Москву. Надежда думала, что там, дома, она будет ближе к еще воевавшему

Петру, а возвращение в цивилизованный и привычный для нее мир, казавшийся из Джамбула каким-то утраченным раем, поможет семье легче пережить приближение конца войны.

Надежда написала письмо бывшему своему начальнику, руководителю архитектурной мастерской в Москве А. Щусеву, попросив того похлопотать по поводу возврата ее семьи домой. Перед началом войны отношения Петра и Надежды со Щусевым были далеко не безоблачными из-за их принципиальных разногласий в вопросах архитектурного стиля. Щусев по характеру был человеком жестким и вряд лив душе простил молодым самонадеянным ученикам их вольнодумство. Тем не менее, он сразу ответил Надежде, что сделает все возможное для возврата ее с семьей из эвакуации. И действительно, через пару недель Надежде в Джамбул пришел вызов из Москвы. Семья возвращалась домой.

В Москву ехали зимой в плохо отапливаемом вагоне. В поезде царила антисанитария. В этой поездке Владик заболел желтухой, так что в Москву он вернулся страшно исхудавшим.

– Боже мой, да это не ребенок, а кожа да кости, – сокрушенно констатировали соседи.

Именно таким и застал Владика отец, каким-то, казалось, чудом оказавшийся в это время в Москве на лечении. Владик помнил, как отец вошел в комнату, где он, завернутый в ватное одеяло, сидел на кровати. Отец бросился к нему, посадил на колени и так крепко обнял сына, что косточки ребенка, казалось, закричали. Вдруг щека Владика намочила. Он поднял глаза и увидел на лице отца два сплошных потока слез, стекавших с его щек на шею и куда-то под воротник гимнастерки. Это был первый и последний раз в жизни, когда он видел отца плачущим. Владик попытался улыбнуться. Отец молчал, затем как-то совсем по-детски всхлипнул. Петр испугался, что Владик при смерти: два года назад он простился с пышущим здоровьем малышом, а увидел «кожу да кости» – подростка, отдаленно напоминавшего ему его сына.

3

Еще с довоенных времен любимым домашним животным Владика был кот по кличке Мур, круглогодично живший на их подмосковной даче. Для пятилетнего мальчишки кот этот казался крупным зверюгой. Был он сибирской породы, с длиннющей рыжей шерстью и роскошным пушистым хвостом. Владик любил его ласкать, почесывая за ушками и поглаживая красивый хвост. Уже значительно позже он узнал, что ласка им хвоста была делом ошибочным: коты, как и другие млекопитающие, ревностно относятся к этому органу, созданному эволюцией, по-видимому, прежде всего, чтобы доставлять удовольствие сексуальному партнеру.

На даче, кроме их семьи, жили еще восемь человек: родители его отца, двое их сыновей и четыре дочери. Каждый из них считал своим долгом подкормить кота, который полноправным хозяином входил в дом через двери, если они были открыты, либо через слуховое окошко на чердаке, куда он забирался с необычайной ловкостью для своего довольно грузного кошачьего тела.

«Масленица» для кота закончилась в один день осенью 1941-го, когда немцы подступили к Москве, но, к счастью, с запада, а не с востока, где и был расположен дачный поселок. Со дня на день ожидалось падение столицы, где уже начинались бандитский разгром и мародерство. Все, кто мог, пытались уйти из города подальше. Петр со своим младшим братом ушли на фронт. Владик с бабушкой, дедом и мамой отправились в эвакуацию на юг Казахстана. Покинули дачу и остальные ее обитатели. Так внезапно Мур остался совсем один и безо всякого довольствия. От верной голодной смерти спасли кота следующие обстоятельства.

По дачному поселку протекала речка Македонка, в которой в мирное летнее время дачники с удовольствием купались и ловили небольшую рыбку. Речка неслась не один километр и впадала уже в другом поселке в озерцо, которое и наполняла водой. На другом отданного поселка берегу Македонки находился Институт кролиководства, где до войны разводили не только кроликов, но и других животных, в частности, нутрию – выдру, или, как ее еще называли, болотного бобра, внешне напоминавшую огромную крысу, грызуна довольно больших размеров с плотной шерстью. С началом войны государство перестало финансировать институт, денег на кормление животных не стало. Сотрудникам института ничего не оставалось, как просто выпустить всех подопытных на волю. Нутрии немедленно переселились из клеток в Македонку, где в то время водилась всякая пригодная для их пропитания живность: рыба, лягушки, тритоны...

Оставшись один, Мур начал охотиться на новых обитателей речки. Жил он по-прежнему на даче, как бы оставаясь ее хранителем, и ждал, ждал, ждал... В 1943-м Скулачевы и Левитаны возвратились из эвакуации и летом отправились на дачу. Они, к своему изумлению и радости, обнаружили там Мура – живого символа счастливой довоенной жизни. Кот был обрадован не меньше, поскольку для него возобновился прежний, пусть и не столь богатый, как прежде, но вполне достаточный, чтобы прекратить всякую охоту, рацион. Однако, как и раньше, в самые тяжелые для него годы, кот вставал с солнышком и отправлялся на речку за добычей. К завтраку он ежедневно обязательно приносил хотя бы одного задушенного им зверька и аккуратно клал его на верхнюю ступеньку ведущей на веранду лестницы. Это был его дар дорогим хозяевам, вернувшимся к своему любимому зверю.

4

В Москве оказалось, что школы все еще не работают, и программу второго класса Володе пришлось проходить опять-таки с дедом Ароном Марковичем. Поступив на следующий год в третий класс, он сразу оказался среди отстающих учеников. В школе его называли по фамилии – Скулачев, потому что почти все в классе были Володями, а имя Владик предназначалось только для своих, домашних.

На всю жизнь он запомнил удивительную доброту его старенькой учительницы Марии Демидовны, которая сделала все, чтобы школьные неудачи не отложились в его сознании страшным признаком неполноценности. Получив двойку по арифметике, Володя бросался на изучение этого предмета, чтобы поскорее его подтянуть, и зарабатывал двойку уже по русскому языку, которым в тот момент переставал заниматься. Полученная им тройка домашними считалась большим его успехом, а колебания скромных успехов в одном предмете за счет провала другого отец определил совершенно определенно.

– Так, Владик, опять «голову вытянул», а «хвостувяз», – время от времени оценивал он успеваемость сына.

Первую в жизни четверку Володя получил только в четвертом классе. Получена она была по географии и оказалась не столько результатом глубоких знаний им предмета, сколько того, что изложение по этому предмету он проиллюстрировал небольшой, но яркой картинкой. Из этого события Мария Демидовна сделала настоящий праздник, который, видимо, должен был поднять самооценку ее ученика, в котором она тонким педагогическим чутьем усмотрела неординарную личность, в детстве попавшую в непростые жизненные обстоятельства.

– Посмотрите, до чего Скулачев додумался. Вот молодец так молодец! – и она издала показала всему классу его картинку. – Какой же ты все-таки умница! – вдогонку, когда, казалось, и так были сказаны избыточные слова похвалы, тихо, но внятно, как бы для себя, проговорила она. Но это услышали все.

178-я школа, в которой учился Володя, была расположена в той части Москвы, где жили в основном советские служащие. Произошедший в те годы всплеск антисемитизма отразился и на взаимоотношении детей. Кто-то из школьников узнал, что отчество матери Скулачева «Ароновна», и под фамилией русского отца «Скулачев» скрывается, в сущности, еврей. Об этом Володе дал понять один из учеников его класса. В каких-либо конкретных действиях отношение одноклассников к нему как к еврею не выражалось, но он, вчерашний двоечник, должен был понять, что кроме того, что скудоумен, так еще является и представителем гонимого великим народом меньшинства.

Все изменили произошедшие в их семье события. Петр Степанович насмерть поссорился со своей тещей Розалией Захаровной, вследствие чего решил съехать со всей семьей из трехкомнатной квартиры Левитанов, что была на улице Каляевской и куда все вернулись после войны, в свою большую комнату в коммунальной квартире на Домниковке. Следствием переезда явился переход Володи из школы № 178, которая оказалась довольно далеко от «нового» места жительства, в другую школу на Домниковке, бывшую при царизме реальным училищем.

Номер новой школы был 365. Перейдя туда в середине пятого класса, Володя оказался среди ребят, которые его не знали, и среди замечательных учителей, тщательно подобранных директором школы Николаем Семеновичем Лукиным. Он был одним из самых авторитетных директоров московских школ, психологом по образованию и просто мудрым и хорошим человеком. Учителя деликатно показывали Володе на недостатки в его школьных знаниях, он их тщательно исправлял, и благодаря такому подходу и труду ребенка вдруг оказалось, что он вовсе не двоечник, а, скорее, один из кандидатов в будущие отличники.

В школе был решен и еврейский вопрос: здесь не было даже следов проявления антисемитизма. Директор школы, как бы между прочим, объяснил детям несправедливость деления людей на хороших и плохих по национальному признаку и четко дал понять, что евреев следует защищать так же, как русские студенты в свое время защищали их от еврейских погромов. В классе Володя сидел за одной партой со стопроцентным евреем по имени Абрам и по фамилии Бродский, который прекрасно играл на скрипке и очень хорошо учился. Имя его с совершенно очевидной национальной принадлежностью могло привести к стычкам подростков на улице, поэтому в школе было принято негласное решение в случае необходимости защищать Абрама. Ответственным за это был назначен Коля Замараев – самый крупный и сильный парень в классе, обожавший с кем-нибудь подраться.

Пожалуй, самым любимым из учителей был физик Николай Евграфович Дьяков – инвалид войны, лишившийся на фронте ноги. Он был старше других учителей, среди которых пользовался непререкаемым авторитетом. Своих учеников он никогда не ругал.

– Ну что ж ты, Скулачев, сегодня отвечаешь совсем не по-скулачевски, – сказал он как-то своим хорошо поставленным голосом, внимательно посмотрев на Володю, когда тот однажды что-то недоучил.

Однако среди учителей было одно исключение. Химию в школе преподавал Соловьев-один из самых известных в Советском Союзе учителей-химиков. У учителя явно было что-то не в порядке со здоровьем. Он непрерывно демонстрировал свою безграничную любовь к химии, считая, что на пять химию знает только Господь Бог, на четыре он – Н.Г. Соловьев, а все ученики – на оценку от единицы до тройки. Двойка у него была оценкой значащей: считалось, что ученик обладает знаниями предмета, хотя для тройки и недостаточными. Химик вызывал к доске школьника и заставлял его рисовать сложные формулы органических соединений. Затем он долго рассматривал эти сложные схемы, искал ошибку и, найдя ее, мог подойти к ученику, схватить его за шиворот и больно ткнуть, почти ударить, носом о доску.

– Когда бы мог поднять ты рыло, тебе бы видно было, что здесь H_2 , а тут $2O$, – приговаривал он при этом.

В конце концов, он добивался исправления учеником своих ошибок.

– Все правильно, стирай, садись, два, – торжественно объявлял он.

Если же ученику не удавалось исправить свои ошибки, он приходил в ярость и выгонял ученика из класса, захлопывая за ним дверь и стараясь при этом дверью ударить вылетающего из класса по мягкому месту. Мало сказать, что школьники его не любили, все его просто ненавидели. В душе Володя не мог простить Соловьеву его поведения даже после того, как в основном именно благодаря ему он смог сдать химию при поступлении в Московский университет.

За все время учебы в школе Володя был круглым отличником только в четвертой четверти выпускного десятого класса.

– Владик, я очень советую тебе подумать и поднапрячься с учебой, чтобы школу закончить с золотой медалью, – примерно за год до окончания школы сказал ему отец, советы которого были для сына очень дороги. – Для медалиста двери всех вузов страны открыты: они могут поступить куда захотят без вступительных экзаменов.

Володя не то чтобы принял совет отца к обязательному исполнению, но слова его породили в нем какой-то почти спортивный азарт. Он все еще помнил себя среди отстающих учеников младших классов.

– А что, золотую медаль слабо? – мысленно сказал он сам себе, и в последний год учебы бросил все силы на достижение этой цели.

Учитель химии, видимо, не поверил, что Володя уже знает химию ну если не на «отлично», то уж точно на «хорошо», и в конце года до выставления итоговых оценок вызвал его к себе для проверки действительных его знаний. После многочасовой беседы он поставил в аттестат ученика Скулачева итоговую пятерку. Кроме него такой же чести был удостоен и

парень из параллельного класса, который, начиная с первого, был круглым отличником. По итогам учебы оба они получили по золотой медали.

Однако сразу сдать документы в вуз не получилось. Проблема учеников школы № 365 состояла в том, что школа ко времени окончания учебного года лишилась своего директора. Его пригласили на какую-то высокую должность в Институт психологии Академии наук, а новым директором был назначен учитель черчения, видимо, не пользовавшийся в роно (районном отделе народного образования) таким же, как прежний директор, авторитетом, поэтому школа № 365 выдаваемые роно аттестаты зрелости получала последней. Школа располагалась в Щербаковском районе столицы, название которого начиналось с буквы «Щ» – последней в списке московских школ по алфавиту. Поэтому аттестаты выпускникам 365-й школы были выданы буквально накануне окончания приема документов в вузы. По этой причине заявление о приеме на биолого-почвенный факультет МГУ с полученным аттестатом Владимир принес за несколько дней до окончания приема туда документов. Выбирая будущую профессию, он метался между биологией и филологией, между желанием изучать и то, и другое, но в связи с уже четко проявившимся интересом к муравьям, выбрал, в конце концов, биологию.

5

В те годы в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова ныне биологический факультет назывался биолого-почвенным и состоял из двух отделений: биологического и почвенного. Владимир принес документы для поступления на биологическое отделение.

– Вы понимаете, товарищ Скулачев, квота на медалистов у нас уже заполнена, и поступить без экзаменов на биологическое отделение вы уже не можете, – вежливо объяснили ему при приеме документов. – Но поскольку у вас есть права медалиста, без сдачи вступительных экзаменов вы можете быть зачислены на почвенное отделение нашего факультета: там свободные места еще имеются.

– Спасибо, но я хочу учиться на биологическом отделении, поэтому буду сдавать экзамены, если без них поступить уже нельзя, – гордо ответил Владимир на это предложение.

Нужно было сдать пять экзаменов. Первым был экзамен по русскому языку, писали сочинение. Проходил экзамен в зоологическом музее биологического факультета, и все абитуриенты сидели вплотную за очень длинным столом, над которым нависал скелет динозавра. Справа от Володи сидела девушка в коротеньком платице, и из-за тесноты за столом колени их невольно соприкасались. Это был первый в его жизни случай, когда он прикоснулся к обнаженной ноге девушки. В те времена школы были с отдельным обучением: мужские и женские. И обучаясь в мужской школе, он мог прийти в школу женскую только на какой-либо праздник. На праздники он не ходил, поскольку считал, что не умел танцевать. Каждый из них написал сочинение на избранную тему.

– Извините, я из провинции, очень волнуюсь, не могли бы вы проверить мое сочинение? – обратилась к Владимиру девушка.

Он дал понять, что только об этом и мечтает, и взял ее сочинение, тема которого была по Горькому. Начиналось оно словами «Александр Максимович Горький». Владимир был в шоке, поскольку Горького звали Алексеем, и не знать это было просто недопустимо даже для провинциалки. Сочинение пришлось писать заново, что он и сделал, и, закончив, передал его девушке. Но тут время экзамена закончилось, и пришло время сдавать работы, поэтому проверить собственную он просто не успел: так и сдал не проверенную. Через несколько дней он узнал, что слово «идиллия» написал с одним «л», что снизило поставленную ему оценку до четверки. Следующие три экзамена он сдал на «отлично».

В последний экзаменационный день Владимиру предстояло сдать химию. Экзаменатором был доцент очень строгого вида, как позднее выяснилось, по фамилии Древинг. Он преподавал на химическом факультете университета, где находчивые студенты за необычайную жесткость на экзаменах дали ему кличку «Зверинг». При ответе по билету Володе удалось взглянуть на листок бумаги, на котором экзаменатор отмечал, какие оценки он уже выставил. Отметок было четыре: три, два, два, три. Он ответил доценту то, что требовалось по билету, и знал, что ответил верно, но Древинг задумчиво молчал.

– А вот теперь мы посмотрим, что вы знаете на самом деле, – наконец сказал он, отложив в сторону билет, на который отвечал Владимир.

Видимо, он был уверен, что молодой человек пользовался шпаргалкой. Древинг задал Владимиру по предмету около десяти каверзных вопросов, не поправив ни один из полученных на них ответ.

– Ну а теперь последний вопрос: что общего между корундом и карборундом? – тяжело вздохнув, спросил он.

Это был один из любимейших вопросов школьного учителя-мучителя Соловьева, и Владимир сдержался, чтобы не рассмеяться.

– Общее между ними только название, – спокойно и уверенно ответил он.

Доцент стукнул ладонью по столешнице и написал в своем листочке напротив фамилии Скулачев «отлично». Итак, четыре пятерки и одна четверка. Проходным баллом был 25, а Владимир получил 24. Это был полупроходной балл, то есть часть абитуриентов, его набравших, все же зачисляли в МГУ, но не всех. Он попал в счастливую половину поступивших. Владимир считал, что приняли его, во-первых, потому что был он юношей и по гендерному признаку представлял меньшинство, а большинство поступавших на биологический составляли девушки; во-вторых, потому что он был москвичом и не нуждался в предоставлении ему общежития; в-третьих, поступая по конкурсу и являясь медалистом, он увеличивал количество студентов, успехи которых в школе были оценены высшим баллом.

6

О степени своей близорукости Владимир узнал на медосмотре, который проходил сразу после поступления на первый курс МГУ. В детстве он отличался острым зрением и соревновался с отцом в том, кто дальше всех увидит самый мелкий предмет. Отец был охотником, прекрасно стрелял по тарелочкам из охотничьего ружья – своеобразный охотничий вид спорта. Но где-то в восьмом классе зрение стало резко ухудшаться, а к десятому ухудшилось до такой степени, что он не видел, что пишет учитель на доске, даже если сидел на первой парте.

Признаться родителям в том, что стал видеть хуже, Владимир не хотел, поскольку между отцом и матерью существовал давний спор, в кого он пошел, в отца или в мать? Мать была близорукой в двенадцать диоптрий и без очков ничего не видела. Владимир не хотел огорчать отца: его он обожал и не мог сказать, что пошел, получалось, в мать. Офтальмолог при медосмотре первокурсников определил у него близорукость в четыре диоптрии.

– Как вы ходите по улицам и до сих пор не попали под машину? – поразился врач. – Немедленно купите очки! – всплеснув руками, сказал он и выписал рецепт.

На следующий день в аптеке на Земляном валу очки были заказаны, а еще через день были готовы. Владимир торжественно их надел и изумился тому миру, который его, оказывается, на самом деле окружал. Додумывал и дорисовывал он его в своем воображении по каким-то своим детским воспоминаниям и фильмам. Особое потрясение было им испытано, когда он в очках впервые поехал в метро. На станции «Калужская площадь» шедший вверх эскалатор поднимал навстречу ему десятки людей, многие из которых были некрасиво и как-то нелепо одеты. Но хуже всего обстояло дело с девушками. В воображении восемнадцатилетнего парня, только что окончившего мужскую школу и до этого момента плохо видевшего, все девушки казались прекрасными и очень привлекательными. Их образы в его сознании были навеяны прочитанными книгами и просмотренными фильмами, а тут Володя, к своему удивлению, вдруг увидел щербатых, конопатых, безвкусно одетых девиц, поднимаемых навстречу ему эскалатором. Такими, конечно же, были далеко не все встретившиеся ему девушки, но его ошеломленное внимание фиксировалось именно на них. Владимиру, в буквальном смысле, открывался окружавший его реальный мир...

7

Поступив на биолого-почвенный факультет МГУ, Владимир должен был выбрать кафедру факультета, на которой он будет учиться. Выбор пал на кафедру биохимии животных, занимавшуюся, судя по названию, химическими основами жизни. В этом выборе большую роль сыграла знакомая их семьи Е.А. Мишукова, работавшая на этой кафедре научным сотрудником. Она буквально боготворила заведующего кафедрой профессора Сергея Евгеньевича Северина, которому впоследствии суждено было стать руководителем дипломной и аспирантской работ Владимира Скулачева. Окончательное решение о выборе кафедры он принял после того, как однажды сходил на научный семинар, проходивший, как говорили, «на антресолях» знаменитого актового зала старого здания МГУ, которое находилось на Манежной площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.